

АЛЕКСАНДР АФАНАСЬЕВ

МЕЧ ГОСПОДА
НАШЕГО. КНИГА 2.
АРАБСКАЯ ВЕСНА

Третья Мировая война

Александр Афанасьев

**Меч Господа нашего.
Книга 2. Арабская весна**

«Остеон-Групп»

2020

Афанасьев А. Н.

Меч Господа нашего. Книга 2. Арабская весна /
А. Н. Афанасьев — «Остеон-Групп» , 2020 — (Третья Мировая война)

ISBN 978-5-85689-250-4

Удар Израиля по Ирану сломал все хрупкие договоренности, благодаря которым как то удавалось поддерживать мир на Ближнем Востоке с 1982 года. Израиль посылает шпионов в соседний Египет и начинает понимать, что для египетских военных главный враг уже не Израиль а собственные сограждане. В самом Египте военные, недовольные практиками правления братьев-мусульман применяют по митингам все имеющееся у них оружие включая и боевые вертолеты. Американская журналистка Элиссон Моррис, дама не слишком строгих правил, пытается не только выжить в постреволюционном Египте, но и получить сенсационный репортаж. И ей это удастся – она становится свидетельницей ликвидации авторитетного шейха, которая должна запустить новую цепь насилия и мести. Она должна получить Пулицеровскую премию, но становится жертвой собственного легкомыслия и любви к молодому джихадисту.

ISBN 978-5-85689-250-4

© Афанасьев А. Н., 2020
© «Остеон-Групп» , 2020

Содержание

Исламская республика Египет. Каир, улица Аль-Муиз. 23 июня 2014 года	13
Исламская республика Египет. Гелиополис, близ Каира. 28 июня 2014 года	20
Исламская республика Египет. Исмаилия. 30 июня 2014 года	26
Тель-Авив, Израиль. 03 июля 2014 года. Заседание израильского кабинета безопасности	34
Исламская республика Египет. Каир, исламский университет Аль-Азхар. Утро 06 августа 2014 года. Шурук эш-шамс (восход солнца)	42
Сектор Газа, пограничный переход Бейт-Ханун. 20 июля 2014 года. 188 танковая бригада АОИ, 71-ый танковый батальон. Операция «Стальная гроза».	45
Сектор Газа, где-то в окрестностях Газы. 20 июля 2014 года	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Афанасьев

Меч Господа нашего.

Книга 2. Арабская весна

© А.Афанасьев. 2020.

* * *

Что касается твоего самоуспокоения далекими надеждами, страхом перед суровой жизнью, беспокойством о смерти, которая неизбежно произойдет и страхом перед тропой, которой надо идти, клянусь Аллахом! Поистине! Смелость не сокращает жизнь смелых, также как отсисживание не удлиняет жизнь тем, кто сидит дома
Книга Джихада

Все произошло неожиданно для тех, кто наблюдал за событиями арабской весны у экрана телевизора – и в то же время ожидаемо для профессионалов – арабистов и тех, кто знает Восток долгое время. На Востоке не проходят игры в демократию, при виде которых умилительно сюсюкают как с новорожденными западные политики – власть здесь берется для того, чтобы уже никогда ее не отдавать. Демократия в арабских странах не означает и то, что нужно идти на какие-то уступки меньшинству – победитель обычно получает все, часто – с правом отнимать имущество и сами жизни побежденных. Вот почему – демократический процесс на Востоке движется плохо, а если и движется – то с большой кровью. Здесь если ты проиграл выборы – это не значит, что ты уйдешь в оппозицию с перспективой вернуться к власти через несколько лет. Здесь это означает, что ты теряешь имущество, безопасность, возможно, будешь вынужден отправиться в изгнание – а то и вовсе тебе могут отрезать голову или бросить на растерзание разъяренной толпе. На Востоке за все, в том числе и за проигрыш – приходится платить полной мерой.

Первые выборы, проходившие под наблюдением международных наблюдателей – выиграла партия Братья Мусульмане через свою легальную политическую партию – Партию свободы и справедливости. Но не триумфально. За них отдали голоса примерно сорок пять процентов египтян, большей частью из бедноты и из глубинки, не связанной с туристическим бизнесом. В Каире они потерпели поражение, а на туристическом побережье, где люди связаны с обслуживанием туристов и понимают, что будет, если в стране придут к власти исламисты – они проиграли. Капитально проиграли.

Под давлением международной общественности – Партия свободы и справедливости сформировала коалиционный кабинет, причем не с мелкими партиями – а с оппозиционной, Национал-демократической партией, которую создал бывший президент Мубарак и которая представляла образованное население Египта, в основном не-мусульман. Возможно, давить не стоило, надо было дать возможность сформировать кабинет с мелкими партиями и окон-

чательно взять власть, тогда не произошло бы того, что произошло. Но историю – не пишут в сослагательном наклонении и получилось так, как получилось.

Правительство, которое было сформировано двумя антагонистическими партиями – оказалось недееспособным, как была бы недееспособной упряжка, состоящая из лебедя, рака и щуки. Им не удавалось провести ни одного нормального, взвешенного решения, в парламенте доходило до драк. Какой-то идиот придумал сделать Египет из суперпрезидентской республики – республикой парламентской и это аукнулось. До кризиса весны двенадцатого года – в стране сменилось четыре премьер-министра.

Очередной премьер, из Братьев-мусульман – только получив свой мандат, объявил о роспуске парламента и назначении досрочных выборов через два месяца. Никто толком подготовиться не успел, международное сообщество уже не могло контролировать ситуацию – дефолт Греции прошел всю систему и сейчас что США, что Евросоюз – спасали банковскую систему и пытались не допустить полного коллапса расчетов. Рядом – разгоралось пламя гражданской войны в Ливии, в Триполи зверски расправились с миссией ЕЭС. Предоставленные себе братья-мусульмане пошли на выборы уже не с фиговым листом Партии свободы и справедливости – а под своим истинным наименованием. На всех митингах – ораторы, в основном муллы – заявляли, что тот, кто голосует против Братьев-мусульман, голосует против самого Аллаха. Все знали, что это означает – жизнь такого человека разрешена и его имущество разрешено. Все эти митинги – шли при полном бездействии полиции, армии, при деморализованных спецслужбах. По стране прокатилась волна убийств высокопоставленных чиновников и полицейских, пытавшихся навести порядок. Братья-мусульмане не хотели порядка, они хотели власть. Всю.

Кто такие братья-мусульмане? Чтобы ответить на этот вопрос – нужно вернуться назад порядка на век. Движение Братья – мусульмане было организовано школьным учителем Хасаном аль-Банной. В те времена Египет, да и весь исламский мир находился под пятой колонизаторов, которые пытались привить колонизируемым народам западные ценности, заставить отдавать детей в светские школы. Все это – они делали наверное не из плохих побуждений – но арабские националисты и религиозные экстремисты понимали, что идет перекодирование их наций, приобщение их к чуждым ценностям, чуждым моральным и этическим установкам. Приход англичан или французов сулил разорение многим местным богачам и падение авторитета религиозных деятелей. Поэтому – начиналось сопротивление, но оно было разрозненным и колонизаторы его давили. А вот Хасан аль-Банна, учитель и образованный человек – задумал нечто иное.

Изначально, Братья-мусульмане строили свою организацию не как движение сопротивления – а как систему для коллективного выживания и сохранения себя как арабов и мусульман. В основе идеологии братьев-мусульман – постулат о том, что Коран является конституцией для любого мусульманина. Британцы, французы создавали вассальные государственные образования, ставили на троны императоров, кое-где бывала и Конституция. Братья – мусульмане говорили, что в Коране и хадисах – находится все, что нужно мусульманину, все нормы поведения в повседневной жизни, все нормы для хозяйственной жизни, все, что нужно для правосудия. Следовательно – все законы, издаваемые светскими властями – не нужны и мусульманин им подчиняться не должен.

Братья-мусульмане начали хозяйственную деятельность. Прежде всего они организовали собственные мечети и сами начали собирать **закят**. Закят, один из пяти столпов ислама, он выплачивается богатыми в пользу бедняков – но братья-мусульмане впервые придумали пускать его в дело. Они открывали лавки, где работали только братья, небольшие производства, вкладывались в торговлю – разрешенным, естественно. Примерно через два десятка лет братья-мусульмане стали одной из самых богатых общественных организаций Востока, на получаемые от бизнеса деньги они строили больницы и школы, но только для

правоверных. Постепенно всем в стране стало понятно, что состоять в Братьях-мусульманах выгодно не только для настоящего, но и для возможного будущего.

Хасан аль-Банна был убит в сорок девятом году неизвестными убийцами. Но дело его – выжило и развивалось с каждым годом. Насер, египетский Ленин – жестоко боролся с братьями-мусульманами, массово казнил их. Пришедший ему на смену литератор Сеид аль-Кутб был повешен в шестьдесят шестом, по обвинения в заговоре с целью убийства президента Гамалы Абделя Насера. Но остановить маховик было уже невозможно...

Дальше было восстание в Хаме, Сирия, полностью разрушенном – и новое восстание, уже одиннадцатого – двенадцатого годов. Дальше был ХАМАС – палестинское отделение Братьев – мусульман. Дальше были организации в Афганистане – а ведь исламская зараза в эту мирную и сонную горную страну была занесена еще в самом начале семидесятых, когда туда вернулись люди, прошедшие обучение в престижных каирских исламских университетах. Дальше было везде...

Наверное, нет смысла пересказывать историю братьев – мусульман и их многочисленных отделений по всему миру. Кому надо – тот может зайти в Интернет и найти все нужные данные. Гораздо важнее, на мой взгляд, понять – как так получилось, что в двадцать первом веке мир раскололся на две части и одна из частей стала глобализованной большой деревней с безграничными возможностями, а другая – погрузилась в дичайшее мракобесие девятнадцатого века, а то и раньше. Как вообще могло такое получиться: вряд ли когда то на земле соседствовали две столь разные по культурным, ценностным устремлениям цивилизации, отстоящие друг от друга минимум на век с лишним. Это еще более удивительно, если принять во внимание прогресс со средствами массовой информации и транспортом: теперь практически любая информация была доступна по одному щелчку мышки, а кругосветное путешествие можно было совершить за пару дней, не более.

Когда мы учим историю – мы учим историю, прежде всего цивилизованного мира, то есть Европы, США, России – хотя на Западе Россию не относят к цивилизованным странам и ее историю не изучают. В то же время – это лишь одна четвертая от общей истории, которую нужно знать – и именно в той неизвестной части истории – кроются разгадки.

Примерно к десятым годам двадцатого века Ближний Восток и Африка окончательно перестали быть субъектами геополитики и стали ее объектами. Практически все свободные земли были разделены между великими державами в качестве колоний. На них – насаждалось европейское право, европейские ценности. Последнее крупное восстание – восстание Махди Суданского – было подавлено при помощи технической новинки – пулемета Максима, что закрепило кардинальное технологическое превосходство Запада над Востоком. Вероятно, если бы история так и текла неторопливо по этому широкому и ровному руслу – не было бы ни Хизб ут Тахрира ни Аль-Каиды, а страны Африки и Востока сейчас лишь немного уступали бы западным странам по жизненному комфорту и обеспеченности объектами инфраструктуры. Но увы...

Подлинным самоубийством Запада стала Первая мировая война. Вторая, последовавшая за ней, была всего лишь продолжением первой, Германия попыталась взять реванш за унижение. Эта война, бессмысленная, кровавая, жуткая – привела к катастрофическим результатам. Было искалечено целое поколение людей, непоправимо выбит генофонд целых народов. Пошатнулись базовые понятия, на чем держалась европейская цивилизация – рациональность и справедливость – в этой войне не было ни того, ни другого. Все те, кто прошел эту войну на передовой – уже не могли жить как прежде, озлобление постоянно напоминало о себе. Первая мировая война привела к крушению веры в Бога и зарождению двух самых чудовищных политических движений двадцатого века – германского фашизма и советского коммунизма. Прогресс из гражданской сферы перешел в военную – теперь люди, вместо того, чтобы думать, как им обустроить жизнь, как им обустроить свою страну – думали о том, как быстрее и

эффективнее убить других людей. Эти войны непоправимо подорвали и финансовое благополучие Европы – было обращено в пыль добро нажитое поколениями предков, города превратились в руины, сельская местность – в безжизненную искореженную пустыню. Ни о каком обустройстве заморских территорий теперь не могло быть и речи – хватило бы сил восстановить свои. Эти войны выбили главный класс колонизаторов – небогатых военных и землевладельцев, жестких и правильных, соль земли, жестких и правильных. В чудовищном масштабе произошел отрицательный естественный отбор – лучшие шагнули под пулеметный огонь на Сомме или остались гореть в танке под Сталинградом. Худшие, более трусливые – выжили и дали потомство. Такое же трусливое как они сами.

Первая и вторая мировые войны привели к изменениям и в Третьем мире. Теперь – самих белых стало мало, но при этом они стали меньше вкладывать в свои колонии и больше из них вывозить – чтобы компенсировать потери от войны. Нехватка людей привела к тому, что туземцев стали вооружать современным оружием и показывать современные методы ведения войны – после Первой мировой мир все время только и делал, что готовился к тотальной войне. Потом, уже после Второй мировой – разросшиеся до невероятного предела оборонные концерны станут поставлять на Восток самое современное оружие. Наконец, две крупнейшие из проигравших Первую мировую державы – германский Рейх и Советский союз – станут предпринимать целенаправленные действия на слом колониальной системы и разжигание восстаний и мятежей в Третьем мире. Автору до сих пор непонятно – каким чудом Германия не подняла мятеж в богатом нефтью Ираке (вместо того, чтобы гонять по Африке Роммеля) и не обеспечила вступление в войну прогерманских Турции и Ирана (Персии). Советский Союз – в течение всего времени Холодной войны предпринимал титанические усилия по вооружению и модернизации стран Третьего мира – и это, в конечном итоге сыграло немалую роль в том, что происходит сейчас.

После второй мировой войны и последовавшего за ней слома колониальной системы (Британия, подорванная двумя мировыми войнами больше не могла нести бремя империи) – на Востоке сложились четыре основных конкурирующих проекта: коммунистический, исламистский, капиталистический и баасистский.

Коммунистический и капиталистический проект – были по сути двумя сторонами одной медали. И та и другая модель была занесена на Восток извне и со строго определенными целями – это было противостояние между двумя последними великими державами – США и СССР. И тот и другой проект опирался на поддержку государства – донора, финансовую, идеологическую, а если требовалось, то и военную. И в том и в другом случае – чаще всего этот проект реализовывался в формате военной диктатуры.

Разница была вот в чем: США сумели создать механизм, благодаря которому продвижение капитализма приносило значительную прибыль. Обязательным условием включения страны в капиталистический проект было признание доллара в качестве резервной валюты и передача прав на природные ископаемые или иные имеющиеся в стране ценные ресурсы американским компаниям, прямо или косвенно. Использование доллара давало возможность американским компаниям поставлять в такую страну производимые в США изделия – что давало прибыль, рабочие места в Америке и четкую привязку страны к США – достаточно прекратить поставки запчастей и обслуживание и...

В то же время СССР, приходя в какую-то страну, не мог предложить рубль в качестве резервной валюты – в СССР не было финансовой системы в капиталистическом ее понимании, и она не могла подпитываться от стран, движущихся к социализму. Зато – риторика о справедливости и интернациональной помощи заставляла выдавать кредиты и начинать строительство крайне капиталоемких сооружений, которые не могли принести мгновенную прибыль – таких, как Асуанская плотина в Египте. Но Асуанская то плотина еще ладно, она хоть ток вырабатывает, ток можно продать. А вот какую прибыль может принести

построенная бесплатная больница? И самое смешное – что СССР, таким образом, поднимал уровень жизни в бедных, общинных странах, после чего общинники переселялись в города, начинали торговать, общинность рушилась и создавались условия для перехода к... правильно, капитализму. Потому что капитализм – возможен лишь при уровне ВВП на человека, превосходящего определенный уровень, что позволяет накопление капитала. Как только этот уровень перейден – жди смены общественной формации – а, перейдя под крыло США, такая страна, конечно же, отказывалась платить по советским кредитам. При полной и безусловной поддержке США. Получалось, что как в той притче про вершки и корешки – СССР постоянно доставалось все невкусное, как тому глупому медведю...

Два других движения – баасизм и исламский экстремизм всех родов и видов – имели свои автохтонные корни на Востоке.

Баасизм – был разновидностью арабского фашизма, его основатель, Мишель Афляк разделял взгляды Сати аль-Хусри. Тот был сирийцем, Сирия в то время была колонией Франции и аль-Хусри учился во Франции, где мог наблюдать за национализмом и за фашизмом, за европейским представлением о нации. В идеологии баасизма главным субъектом исторического действия на Востоке объявлялась нация – но не отдельные нации в тех странах, в каких они есть – а единая, арабская нация. Эта нация, как и в германском фашизме, объявлялась главенствующей, а у баасистов появлялась цель – объединить всех арабов в единое государство. Естественно, это не нравилось элитам самых разных стран – никто не хотел делиться властью – но очень нравилось офицерам самых разных стран. Офицеры по другую сторону границы – им были ближе, чем военные советники из разных стран, а баасизм предполагал власть военных, потому что для создания единой арабской нации требовалась власть военных и свержение режимов в различных странах военным путем. Баасизм победил всего в двух странах – Ираке и Сирии – но его влияние на арабскую политику пятидесятых – девяностых годов двадцатого века нельзя недооценивать. Это была светская идеология, она допускала сотрудничество, как с США так и СССР – но по факту БААС больше сотрудничал с СССР, потому что американцы имели контакты с элитами по всему региону и идея цепи военных переворотов США заинтересовать не могла. С другой стороны баасисты не были и не могли быть верными союзниками СССР – потому что их идеология признавала примат именно арабской нации перед всеми остальными. Они могли сотрудничать – но обрывали сотрудничество сразу, как только им становилось это выгодно.

Наконец последнее. Исламизм.

Исламизм... в нем есть много течений, про него вообще можно говорить очень долго. Идеология исламизма тоже предполагает объединение арабов – и не только арабов – но на основе религиозной, а не национальной идентичности. Коран и шариат – провозглашаются необходимыми и достаточными источниками права для государства, объединение предполагается осуществлять военным путем (джихад). Поскольку большая часть населения этого региона мусульмане – исламистам всех мастей и видов было легко распространять свои верования через систему религиозных университетов, куда съезжались студенты со всего региона. Но до восьмидесятых – исламисты не сумели силой захватить ни одну страну в регионе. К исламистским странам можно было отнести Саудовскую Аравию – но там возможность совмещения ислама и модернизации давала нефть, запасы нефти. Король просто нанял – да не кого-нибудь, а американцев – модернизировать свою страну за нефтяные деньги. А его подданные – могли жить точно так же, как и сто и двести лет назад, просто сменив верблюдов на Мерседесы. В не столь богатых нефтью странах – исламизм и модернизация были несовместимы и люди, большинство людей это понимало.

Дальше началась катастрофа.

В семьдесят третьем в ответ на войну Израиля – страны Залива объявили нефтяное эмбарго, и цены на нефть взлетели в четыре раза. Таким образом, Америка потеряла эко-

номическую гегемонию – свободные деньги надо было куда-то вкладывать и шейхи приняли покупать западные предприятия и строить небоскребы в песках. Америка, наверное, смогла бы силой подавить этот бунт – но только не в семьдесят третьем, на завершающем этапе Вьетнамской войны. Вьетнам сломал Америку, от победительницы во Второй мировой не осталось и следа и закат мировой американской гегемонии начался именно оттуда. Слабость Америки на Востоке заметили и отметили – ее перестали бояться. В восьмидесятом – Америка подтвердила свою слабость, отказавшись от вооруженного вмешательства в ситуацию в Иране – в результате, в Иране пришли к власти исламские экстремисты, а ключевой модернизационный проект на Востоке потерпел неудачу: страна быстро скатилась в мракобесие. Но самое страшное произошло в восьмидесятых – желая дать СССР свой Вьетнам – Соединенные штаты Америки сами, своими руками создали инфраструктуру глобального джихада. Именно против СССР, имевшего планы решительного продвижения на Восток – была создана инфраструктура террора. Идеология – радикальный ислам ваххабитского толка с направленностью на глобальный джихад и уничтожение всех неверных. Система финансирования – через сбор денег в мечетях по всему миру и пожертвования нефтяных шейхов. Центры подготовки с американскими инструкторами – потом исламисты научатся справляться сами. Система закупки и добывания оружия – из рухнувшего в девяносто втором Афганистана оружие расплодилось по всему миру, равно как и джихадисты, умеющие применять его. Наконец, система пиара и поддержки – до одиннадцатого сентября все западные СМИ относились к исламским экстремистам с сочувствием, называя их «борцами за веру». Таким образом – США сами дали в руки Востоку механизм уничтожения империй через войну, показали как надо вести войну, чтобы разрушить и уничтожить любую западную страну, любую империю. Нужно просто не признавать поражения – и непрекращающийся террор сделает цену победы слишком высокой. Всегда альтернатива – только геноцид, на который Запад по многим причинам пойти не может.

В девяносто первом – рухнул СССР, но и США находились на последнем издыхании. Холодная война не просто отняла силы – она поставила США на грань банкротства: или мирового кредитора в сорок пятом страна превратилась в крупнейшего мирового должника. Оружие, которое создавалось для последней войны – оказалось просто ненужным. Сложилась та же ситуация, что и после Первой Мировой – США не только не могли больше вкладывать в Восток, но и должны были для собственного спасения изъять оттуда как можно больше ресурсов. Как и после Первой мировой – Восток не хотел с этим мириться и теперь – у него было оружие, чтобы победить США. Долгая война.

Изъятие ресурсов США решили производить за счет низких цен на нефть. Вообще – они упали во второй половине восьмидесятых, когда США собрали шейхов Саудовской Аравии, ОАЭ и Кувейта, показали им секретные данные по состоянию своей экономики и сообщили – что если не уронить цены на нефть, то США примерно к девяностому году рухнут, многомиллиардные вложения шейхов в западный мир – в недвижимость, ценные бумаги, акции – обесценятся, а американская армия – уже не сможет защитить шейхов от возможного вторжения Советской армии как в Афганистане. Первыми поверили кувейтяне, за ними – саудиты. СССР рухнул – но американцы тогда просто кинули ближневосточных друзей и не стали поднимать цены на прежний уровень, как это было обещано при заключении тайной сделки. Сделав с этим – ближневосточные шейхи прямо сразу ничего не могли – нефть торговалась на Западе и прямо влиять на цены они не могли. США остались единственной сверхдержавой, попытка эмбарго или искусственно спровоцированного конфликта могла вызвать быстрый и жесткий ответ. Но именно тогда – ближневосточные шейхи стали считать США своим врагом и стали готовить долговременную операцию с целью разрушения США как государства и организации всемирного джихада – в том числе и как инструмента поддержания высокого уровня цен на нефть. С этой целью – была создана организация Глобальный джихад Салафи

и ее военное ответвление – Аль-Каида. Во главе Аль-Каиды встал радикальный мусульманин с опытом террористической и подрывной деятельности в Афганистане и Пакистане, саудит из семьи саудовского миллиардера, человек по имени Осам Бен Ладен.

Довольно быстро удалось найти контакты с людьми в Америке, которые тоже были заинтересованы в войне – не такой, конечно, как планировали шейхи – быстрой и победоносной, но достаточной, чтобы оправдать расходы на перевооружение и поднять котировки цен на нефть до некоего приемлемого уровня. Контакт осуществлялся по линии деловых связей, на одной стороне цепи была саудовская королевская семья, на другой – семья техасских нефтяных миллионеров Бушей. Джордж Буш старший был зол на весь мир за проигранные президентские выборы в девяносто втором – и это после военной победы! А Джордж Буш младший был феноменально туп даже по американским меркам, внушаем и вполне мог сделать глупость. Он ее и сделал – в Ираке, превратившемся из места, смертельно опасного для исламистов – в гигантский реактор экстремизма и терроризма. А когда стало понятно, что в Афганистане сопротивление не прекращается – шейхи вложили деньги и туду.

Второй этап «разводки» начался в одиннадцатом году и назывался «арабская весна». К этому времени стало очевидно, что Соединенные штаты Америки, единственная сверхдержава находится в крайне тяжелом финансовом положении, она загнана в угол, ее предыдущая политика на Востоке полностью обанкротилась. Все девяностые годы и начало нулевых были потрачены на то, чтобы не дать возродиться СССР или усилиться России и противостоять при этом Китаю как потенциальной сверхдержаве номер два. Однако, в конце нулевых – Соединенные штаты Америки подвели баланс и с удивлением увидели, что все преимущества, полученные в конце восьмидесятых – начале девяностых полностью утрачены, а с точки зрения как экономики так и политики – страна находится в гораздо более худшем положении, чем тогда. Надо было что-то делать.

Американцы – с подачи саудитов – не нашли ничего более умного, чем попробовать применить один из немногих оставшихся у них рычагов – демократизацию. Трудно было придумать что-то более глупое... а может и выхода у них не было, кто девушку ужинает, тот ее и... поняли, в общем, а денег с Ближнего Востока в американской экономике было навалом. Демократия на Востоке – совсем не то же, что демократия на Западе. Шейхи – провели серьезную предварительную работу. За двадцать лет без СССР и США Восток кардинально изменился. Массовое обнищание, отказ от модернизации, крушение успешных модернизационных проектов (как следствие глобального капитализма и глобальной экономики), наличие такого средства как Интернет, позволяющего мгновенно мобилизовать наиболее радикальные слои общества, наличие в любой из стран некоторого количества людей с боевым и террористическим опытом, вернувшихся с джихада и теперь готовых принести джихад в свою страну. В условиях отсутствия идеологической альтернативы – единственной значимой идеологией на Востоке оказался радикальный ислам, но политическая структура не соответствовала изменившимся за двадцать лет реалиям – было много светских диктаторов, кое-где сидевших еще с советских времен, либо оставивших наследников – Каддафи, Асад, Мубарак. Вот и перекроили политическую карту этой части земного шара. Такие изменения, какие произошло здесь за пару лет – обычно происходят раз в столетие – а то и реже. На место светских режимов – пришли радикально-исламистские. И в авангард мирового джихада – стремительно вырвался еще пять лет назад спокойный, туристический Египет. От страны – витрины арабской модернизации и катализатора объединения арабов при Насере эта страна мутировала сначала в дешевый туристический рай при Мубараке – а потом, после одиннадцатого – в депо мировой исламской революции. Девяносто миллионов нищих, озлобленных, фанатичных египтян – Саудовская Аравия без нефти – ждали своего часа. И только Израиль – остался у них на пути.

В начале две тысячи двенадцатого года в структуре армии Израиля было создано Командование глубинных операций, под эгидой которого были собраны все флотские и армейские части спецназначения. Противостояние началось...

Исламская республика Египет. Каир, улица Аль-Муиз. 23 июня 2014 года

И затрубили три отряда в шофары, и разбили кувшины, и держали в левой руке своей светильники, а в правой руке шофары, и трубили, и кричали: меч Господа и Гидеона!
Суд. 7:16

Как же мало времени прошло...

Фотокорреспондент и репортер иорданской газеты Аль-Шихан по имени Мустафа аль-Джихади (фамилию свою он получил за то, что участвовал в джихаде в Афганистане в восемьдесят восьмом) прибыл в Каир рейсом авиакомпании Катар Эрвейс – одной из немногих авиакомпаний, которые еще летали в Каир. Нет, другие, конечно, тоже летали – но с ними могли быть проблемы, с повальным обыском пассажиров или двухчасовым ожиданием таможенного досмотра, при том, что кондиционер ломался часто, а температура в помещениях летом запросто доходила до пятидесяти по Цельсию. Катар Эйрвейс, Иттихад Эйрлайнс и некоторые компании Залива летали точно по графику и без каких либо проблем, получая весь пассажиропоток, все сильнее иссякающий с каждым годом. Такие предпочтения – яснее всего показывали, кто финансирует все это безумие...

Документы у него были – на имя гражданина Германии Рихарда Мюллера – это был его псевдоним прикрытия, легенда для того, чтобы въехать в Каир и тут же пропасть. Легенда иорданского репортера была не слишком выгодной здесь – во-первых, он был агентом длительного залегания и не хотел разрушить свою легенду пребыванием в Египте, осложненным риском столкновения с исламистами. Во-вторых – в Иордании до сих пор правил король и радикальные исламисты эту страну ненавидели, потому что считали, что страной правит тагут и требовали от иорданцев восстать против монарха. В третьих – легенда аль-Джихади.

Египет взорвался в одиннадцатом. Арабская весна, которую теперь один проклинал открыто, а десять – тайно, оглядываясь по сторонам, потому что проклинать открыто сейчас было очень опасно. Демонстранты, собравшиеся на площади Тахрир... о, нет, это были не исламисты, исламистов на Тахрир было днем с огнем не сыскать, а первички Братъев-мусульман использовали только для объединения и оказания взаимопомощи, не более. На площади Тахрир были образованные горожане, молодежь, которой не находилось работы, люди среднего возраста, которым надоело всевластие полиции и несменяемость Мубарака – да и просто люди, которым надоела власть. Если в то время подойти и спросить любого из них – вряд ли он смог бы внятно ответить, что именно он хочет. И вряд ли бы эти ответы были одинаковыми. Но зато – если спросить, чего не хотят эти люди, против чего они вышли на площадь – здесь, они могли говорить долго, и мнение их было единым. Что ж, эти люди были глупы – и за глупость свою наказаны были уже достаточно. Вот только новую власть – свергнуть было не так то просто, как постаревшего и потерявшего хватку Мубарака...

Первое, что видел приезжающий в Каир турист – если он рисковал сюда приехать – это флаг и лозунг. Флаг был не египетским, нет – черное полотнище с белыми буквами, такое можно было увидеть раньше только в афганских пещерах и на видео, где отрезали головы заложникам – но никак не в аэропорту крупнейшего государства арабского мира. На полотнище по-арабски было написано «Нет бога кроме Аллаха и Мухаммед – пророк Его», это было официальное знамя Братъев – мусульман, которое использовалось наряду с государственным, египетским. Под полотнищем на стене было написано: Здесь действуют законы шариата! – и чуть ниже были прикреплены листы ватмана с кратким содержанием запретов шариата на разных языках мира. Тот, кто игнорировал это – потом мог пенять только сам на себя.

Человек по имени Рихард Мюллер, рано поседевший, с короткой, аккуратной бородкой, с видеокамерой «гражданского стандарта» в небольшом кофре через плечо и небольшим чемоданчиком в другой руке – в числе прочих прошел на таможенный досмотр, поставил свои вещи на «бегущую дорожку». Она не работала – и вещи приходилось тащить самому при каждом движении очереди по липкой, распаренной на жаре резине. Народа было немного, не то что раньше, раньше на пирамиды приезжали посмотреть со всего мира – а теперь самые радикальные Братья предлагали взорвать пирамиду Хеопса. Пограничники, роль которых исполняли исламские гвардейцы – неуместная на жаре черная форма, автоматы Калашникова, подозрительные, пронзительные и недобрые взгляды – работали медленно, обыскивали добросовестно...

– Харам! Харам!

Мустафа вздрогнул. Крики раздавались совсем рядом.

Он – таки повернулся, хотя в его положении делать этого не стоило. Красный от ярости, брызжащий слюной пограничник тыкал автоматом в распотрошенный чемодан, рядом – что-то бубнил высокий, мосластый мужик в яркой гавайке. Женщина – намного ниже его ростом, сухая, с навеки отпечатавшейся на лице озлобленностью – тараторила как пулемет по-русски, наступая на вооруженного автоматом пограничника. Тот – теперь в его стране женщину за такое поведение побили бы камнями – от этого краснел еще сильнее и ярился еще больше.

Все понятно. Русские. Везли в чемодане водку. Несмотря на то, что жители цивилизованных стран уже избегали Египта – русские продолжали сюда ездить, привлеченные дешевизной туров и полупустыми, некогда в сезон заполненными под завязку отелями и пляжами. То, что русские на новом востоке были злейшими врагами, крестоносцами, ненамного меньшими врагами, чем американцы и израильтяне – их не волновало. Водку можно было купить – правительство Египта, понимая, что без туризма не выжить, выделило специальные резервации для туристов, где спиртное продавалось, правда, втридорога. Этим же русским захотелось сэкономить, вот и попались...

– Эй, мистер.

Он не заметил, как очередь дошла до него.

– Was? – недоуменно спросил Мюллер и тут же «понял» – о, аусвайс... Битте.

Пограничник подозрительно на него посмотрел, взял паспорт. Когда его отправляли сюда... верней не так – когда выбирали человека, чтобы отправить сюда – выбирали, в том числе и по легенде, которую может сыграть этот человек. Мустафа хорошо подошел благодаря прекрасному немецкому – среди его родителей были и евреи и поволжские немцы и русские, сам он родился в Израиле, но родители совершили алию из СССР. В Египте – до сих пор побаивались немцев и предпочитали с ними не связываться – помнили генерала Эрвина Роммеля. И в то же время – до русского нашествия Египет был одним из тех мест, куда предпочитали выезжать недельки на две небогатые бюргеры. У итальянцев собственное море, французы тоже отдыхают либо на своем побережье, либо в Марокко. И только немцам, потерпевшим поражение во второй мировой – чтобы урвать кусочек средиземноморского загара приходилось ехать в страну пирамид. Так что немцев в Египте, особенно старшего поколения – помнили отлично...

– Цель вашего приезда?

– Туризм, – коротко ответил Мюллер.

– Где намереваетесь остановиться?

– "Рамзес Хилтон".

Он не бронировал там номер, но был уверен, что номер в этом, на крайний случай в соседнем отеле – найдется.

Пограничник еще раз подозрительно посмотрел на него – все-таки внешность у «Мюллера» была типично восточная. Но все же проштамповал паспорт, сунул его обратно, потянулся за следующим.

Вооруженные автоматами пограничники озлобленно осмотрели на иностранных туристов, приехавших в их страну, чтобы пить харам, загорать голыми на пляжах, совращать их женщин и нарушать все мыслимые и немыслимые законы шариата.

В зоне встречающих аэропорта – Мюллер остановился у одного из киосков. Купил СИМ-карту от "МобиНил", одного из египетских операторов связи. Эту СИМ-карту он передаст, кому нужно, тому, кто будет изображать отдыхающего на пляже немца Мюллера. Мелочи – но именно из таких мелочей и строится выживание. У Аль-Каиды было двадцать лет на то, чтобы научиться выживать во враждебном мире. У евреев – две тысячи лет.

У аэропорта – вереница такси, как нормальных, легальных – так и обычных машин. Водители – темные лицом, усатые – лезут чуть ли не в драку. В стране голодно, работы практически нет – подработка таксистом неплохой заработок для тех, у кого есть хоть какая то машина. На машинах – портреты самых разных религиозных лидеров, если в городе начнутся беспорядки – то наличие того или иного портрета дает какую-то гарантию, что машину не перевернут, не подожгут и не украдут, а тебя самого не избьют до полусмерти. Поэтому – многие таксисты возят портреты за стеклом и меняют их в зависимости от политической ситуации в стране и от района, по которому им приходится ехать. Сейчас – за стеклами многих из них было лицо одиозного проповедника, лидера радикальных исламистов (еще более радикальных, чем братья-мусульмане) шейха Абу Ишака аль-Хувайни, который в одной из проповедей сравнил женское лицо с влагищем...

На немецкого туриста напали сразу с нескольких сторон. Выбрав машину поприличнее – аж Фольксваген Пассат – немецкий турист приказал себя везти в нильский Хилтон. Когда они отъезжали от аэропорта – о багажник машины ударился камень и водитель разразился бранью...

Ехали быстро. Бензин вздорожал, мало, кто мог себе позволить свободно покупать его и ездить как раньше. Тротуары были полны народу, в некоторых местах – пешеходы выхлестывали на проезжую часть. Ездили здесь, как и раньше лихо, только теперь плохих водителей сменили лихие пешеходы и ослы, впряженные в повозки. Первые перебежали улицу, где вздумается, вторые – гадили, где пришелся, вставали, где вздумается, и злобно ревели за всю улицу, осыпаясь бранью и ударами своих погонщиков...

Несмотря на белый день – многие магазины закрыты. Кое-где – на тротуарах неубранное стекло, следы предыдущих погромов и многие машины тоже выглядят побитыми. В одном месте – немецкий турист увидел остов сожженной машины. Кое-где на стенах – следы крови, лица на немногочисленных рекламных плакатах и изображениях на стенах замазаны за исключением лиц популярных проповедников и шейхов. Их изображение – почему-то не считается харамом. Впрочем, салафиты считали и это харамом, а Братья— мусульмане – нет, и это была один из поводов для долгих и агрессивных споров в египетском обществе. Наряду со спорами о том, какая у правоверных будет эрекция в раю, обычная, продолжительная или постоянная и будут ли в раю только семьдесят две девственницы – или для желающих будут и юные отроки¹?

* * *

Мужчины – бородатые, многие уже надели типично арабские дишдаши. Женщины в парандже, кто-то в глухой, кто-то в обычной. Шутить с этим – после того, как женщин забивали камнями, насиловали всем районом, обливали бензином и поджигали – желающих не было.

Машина пролетела по пустым улицам, вывернула в бывший деловой район – это у побережья Нила, там отели и посольства. На мосту аль-Тахрир был совместный блок-пост итальянских миротворческих сил и частных охранников. Тяжелый бронетранспортер и два вне-

¹ Автор не преувеличивает. На исламистских форумах ведутся, в том числе и такие дискуссии и они не стираются.

дорожника Субурбан, у которых в салоне – бронированная капсула и пятая, задняя дверь снята целиком, чтобы можно было стрелять в преследователей. Напротив столь явно присутствующих на земле Ислама кяффиров – собралась молодежь из числа радикальных, они кричали «Смерть Америке», «НАТО убирайтесь вон!» и тому подобное – но камни не швыряли. Научены горьким опытом – у охранников помимо карабинов ружья с оранжевым цевьем и прикладом, они стреляют пластиковой дробью и капсулами с веществом, которое пачкает одежду. Что-то вроде клея, который не отмоешь ничем, и оставляющего желтые пятна на одежде. Над мостом – буквально силовыми полями между двумя группами людей, которых разделяло метров двадцать – протянулась ненависть...

* * *

Рамзес Хилтон – роскошная башня, выдержанная в египетских мотивах – не была такой уж пустой, как это представлялось – но номер все же нашелся. Воды не было. На прикроватном столике – лежал Коран и составленная Министерством туризма инструкция, чего нельзя делать в стране победившего ислама. Или – победившей шиизмы...

Турист Мюллер – проверил все комнаты, задернул шторы, подпер дверь стулом и, не раздеваясь – упал на кровать, чтобы забыться тяжелым сном. Кондиционер – тоже не работал...

* * *

Когда он спустился поужинать, его едва не раскрыли...

Человек – сменщик, который и должен был исполнять роль туриста Мюллера – задерживался, и он спустился поужинать. Там то и наткнулся на коллегу, с которым они познакомились в Хомсе – под обстрелом сирийской армии и снайперов, преданных Асаду.

Отделаться удалось с трудом. Произошедшее – поставило под вопрос достоверность самой легенды, он не сомневался, что исламисты внедрили в прислугу отеля множество своих агентов. Когда он готовился к поездке сюда – то изучал аналитические справки по местной обстановке и уяснил, что помимо полуразгромленных сил безопасности Египта – существует тайная разведка исламистских группировок. Это еще не дошло до той стадии как в Ливане, когда боевики из разных группировок контролировали свои районы города – но контрразведка экстремистов была силой, с которой приходилось считаться. Исламисты в течение долгих лет существовали в обстановке противостояния с государством, провал означал пытки, тюрьму, возможно что и смерть. Поэтому – как у большевиков в семнадцатом – партийные силы безопасности оказались эффективнее разрушенной государственной машины и частично подменили ее. В отличие от государственных служб, которые хоть как-то соблюдали закон – эти в своей деятельности руководствовались лишь ненавистью к неверным и законами шариата, говорившими о том, что все имущество, женщины и жизнь неверных разрешены за исключением тех случаев, когда неверные слишком сильны чтобы отобрать у них это...

* * *

Ровно в двадцать четыре ноль-ноль турист Мюллер спустился на третий этаж отеля по пожарной лестнице, захлавленной и воняющей. Пост – с «давящим на массу²» бородатым – был на первом этаже. Он знал, как сбежать из этого здания – потому что проделал это в девятом году и его не поймали...

² Спящим. Армейский сленг.

Улица была пустынна – комендантского часа не было, но по ночам в Каире воровали людей. Дискотеки кое-где были – но их стало заметно меньше после того, как по одной из них выстрелили из гранатомета...

Машины стояли ровным рядом, припаркованные у тротуара и многие без топлива. Как и было оговорено – Мустафа пошел налево. Увидел небольшой фургон Форд, мигнувший фарами.

Он подошел к нему, открылась боковая дверь. Фонарь высветил его.

– Салам алейкум.

– Ва алейкум ас-салам. Садись.

Мустафа – или Мюллер – сел в фургон. Там были двое, один из которых был похож на него внешностью и фигурой.

– Переодевайтесь! Быстро!

Они переоделись, поменявшись одеждой друг друга. Мюллер вручил своему двойнику пакет с документами – тот ему свой, в числе которого был паспорт гражданина Египта.

– Слева от основного входа. Увидишь трос. Сможешь вскарабкаться?

– Да.

– Веди себя тихо. Не привлекай внимания.

– Я понял. Да здравствует Израиль.

Мюллер – теперь уже гражданин Египта Захи Ибрагим – ничего не ответил. По его мнению это было непросительной глупостью.

Дверь открылась, «Мюллер-2» шагнул на тротуар. Фургончик – вырулил на проезжую часть, задев бампером впереди стоящую машину. Набирая скорость, покатился по улице...

Ибрагим – перебрался на переднее сидение, рядом с водителем – благо, машина была такая, на какой перевозят почту, то есть без перегородки между кабиной и грузовым отсеком.

– Ночью ездить опасно.

– Я знаю – отозвался водитель – здесь недалеко.

Они замолчали.

– Этот парень – араб – вдруг сказал тот парень, который оставался в грузовом отсеке.

Мюллер – повернулся к нему.

– Что?

– Этот парень – араб – повторил израильтянин – он приветствует Израиль, потому что он еще и христианин. Копт. Всю его семью убили салафиты. Он работал на нас, после того, как он сыграет Мюллера – он вылетит в Израиль и Израиль примет его. Он хочет служить в израильской армии, чтобы отомстить.

– Понятно...

Они еще немного проехали. Потом – свернули в какой-то проулок, проехали по нему. Дальше – был забор. И ворота в нем.

* * *

– Кто придумал эту легенду?

Израильтянин – он представился как Моше, по-видимому, был частью нелегальной разведсети – недоуменно посмотрел на «Захи Ибрагима».

– А что не так?

– Да все нахрен не так! Ты считаешь легенду христианина в Каире четырнадцатого года безопасной?

– Но это настоящий паспорт...

– Ты знаешь русский?

Израильтянин настороженно посмотрел на него.

– Нет, а что.

– А я знаю. В русском есть анекдот. Идет человек по улице, навстречу ему другой. Тот, другой и говорить первому: «Мужик, не ходи туда, там дерутся, евреев бьют». Мужик отвечает «Так я по паспорту то русский». А тот, другой ему говорит: «Мужик, там не по паспорту, там сразу по морде бьют». Понял?

Израильянин ничего не ответил. По виду – обиделся. Но обижаться не стоило – стоило учиться. У тех же русских, которые во второй половине двадцатого века были королями внедрений. У англичан – за плечами которых трехсотлетняя история шпионажа и провокаций. Простые и прямодушные израильтяне – не были приспособлены к шпионажу, МОССАД прославился ликвидациями, а не внедрениями. С классической шпионской работой – у них был полный провал.

Видимо, отставные военные. Черт бы их побрал.

– Машина есть? Надо кое-куда съездить.

– Есть. Алим, иди сюда! Алим!

Вошел вчерашний водитель, протянул Моше кучу распечаток с форума. Исламистские, простые – в которых на некоторых ветках писали военные и полицейские, и можно было почерпнуть много чего интересного. Наиболее интересные места были отмечены маркером. В современном мире – таким образом, перебирая тонны дерьма, сопоставляя, фиксируя – можно было добыть настоящую жемчужину.

– Поедешь с нашим другом. Мустафой. Ему нужно помочь.

– И перестань называть меня этим именем!

Шутить с этим не стоило. Все это были мелочи – но на таких мелочах как раз и прокалывались. А в арабских странах, тем более по нынешним временам, проколоться – порой означало быть растерзанным разъяренной толпой. Аль-Джихади уже проклял тот день и час, когда согласился на это задание – видимо, предыдущая резидентура была полностью засвечена, она провалилась а на замену прислали таких вот... Орлов. Только не тех, которые высоко летают, а тех, которые сверху – и прямо на голову... Бывшие армейские, стажеры, с примесью арабской крови, а то и арабов, которых никто не знает. Люди, готовые умереть за Израиль и его народ – только этого здесь недостаточно...

– Пошли. И помалкивай, пока я с тобой не заговорю.

Они спустились вниз, фургон стоял в небольшом дворике, рядом с ним стоял небольшой Рено – такси. Мустафа Аль-Джихади хоть и не был специалистом по антитеррористической борьбе – но навидался всякого и сейчас мог с ходу определить уязвимые места резидентуры. Высокий глухой забор – это плюс только на первый взгляд, на самом деле это минус. Не видно, что делается за забором, и нет секторов для обстрела, как только толпа прорвется через забор, стрелять будет уже поздно. Если даже поставить следящие камеры – это тоже не выход: надо постоянно садить человека, чтобы следил, а людей нет, да и сами камеры привлекут внимание к этому месту. Дворик тесный, фургон развернуться не может, выезд только один, если надо будет драпать – то на своих двоих. Любой, кто заглянет во дворик увидит стоящий фургон и рядом такси. Удивится, начнет задавать вопросы – а мир так устроен, что на каждый вопрос рано или поздно находятся ответы. И хорошо если пацан заглянет – а если беспилотник или разведывательный самолет над районом барражирует? В общем и целом – место для резидентуры подобрали дилетантски.

Алим сел на место водителя, видимо, он чувствовал, что гость негативно к нему относится. Мустафа сел рядом.

– Куда?

– Офис DHL³. Знаешь?

³ Служба срочной доставки.

– Да...

Они выехали на улицу. Мустафа привычно проверился – никого. В Иордании – за ним часто следили сотрудники местной службы безопасности, он много общался с бывшими саддамовскими военнослужащими и потому считался потенциально ненадежным.

– Я, между прочим, в армии служил – сказал Алим, когда они ехали по улицам.

– В какой?

– В вашей. Бригада Гивати, бедуинский батальон следопытов...

Мустафа хмыкнул.

– Ну и зачем ты мне это рассказал?

Водитель помолчал несколько секунд.

– Мне просто кажется, что вы нас за каких то... слабаков держите. Мы уже здесь шестой месяц.

– Вы и есть слабаки – безжалостно ответил Мустафа – слабаки и дилетанты. Я не спрашивал тебя про бригаду Гивати, но ты мне все рассказал. И ты, и твой друг слишком много болтаете. Рано или поздно – это доведет вас до большой беды – но у меня нет никакого желания учить вас. И времени тоже нет. Скажу лишь одно – никому не верьте и не болтайте лишнего, даже своим и даже в разговорах между собой. В разведке своих нет, предателем может оказаться любой. Если ты это поймешь – может, доживешь до моих лет. Теперь – давай, помолчим...

* * *

Из здания DHL – иорданский журналист вышел с запасным комплектом документов на свою основную легенду, на испытанную легенду Мустафы аль-Джихади, иорданского журналиста. Их он послал срочной доставкой в Каир. Если бы они не понадобились – уже в Аммане он бы зашел на почту и попросил вернуть посылку, если она не востребована получателем из-за того, что он ошибся в написании его адреса.

Паспорт, журналистская аккредитация, водительские права. Иорданские права, здесь они недействительны, но написано по-арабски, значит – сойдут. Самое главное богатство – коллекция фотокарточек, на которых он был снят с самыми разными людьми, некоторые – с подписями. Самая ценная – где он был снят в компании шейха Ахмеда Ясина, духовного лидера ХАМАСа.

– Езжай назад – коротко сказал Мустафа, приоткрыв дверцу фургона. Затем – закрыл ее и пошел по улице.

– Эй! А мне что делать? – высунувшись из кабины, заорал Алим.

– Что хочешь.

Исламская республика Египет. Гелиополис, близ Каира. 28 июня 2014 года

Задание, которое должен выполнить Мустафа аль-Джихади – заключалось в оценке ситуации в армейском сообществе Египта. Причем – оценка должна была быть по возможности точной, подкрепленной интервью, фактами, свидетельствами. Если бы он выполнял такое задание в любом цивилизованном государстве – с этим не было бы проблем. Но он – выполнял его в Египте – исламистская власть жестока, а еще не устоявшаяся исламистская власть нечеловечески жестока. Он подозревал, что в египетской армии прошли серьезные чистки – и чистки эти продолжаются и сейчас.

Можно было бы нанять помощников, тех же безработных журналистов – но он не стал этого делать, опасаясь неприятностей. Вместо этого – он прибыл в Гелиополис, место где располагалась штаб-квартира Первой полевой армии, Центрального военного командования и много других разных частей и соединений. Он рассудил – исламисты натерпелись от армии, и значит, как и в постреволюционном Иране – будут чистки. Не такие как в полиции и силах безопасности – но все же. Но не всех же расстреляют, верно? Значит, многих просто уволят из армии. И куда им податься, чем заработать на жизнь?

Так Мустафа аль-Джихади стал постоянным пассажиром такси. Довольно общительный, он быстро прикидывал, кем может быть очередной таксист со стоянки, и в зависимости от ситуации называл либо короткий маршрут, либо длинный – например, в долину пирамид, да еще просил за дополнительную плату провести экскурсию. Конечно, не каждый выстрел бил в цель – но он сознательно выбирал частные, дикие такси. До исламской революции – офицерский корпус в Египте считался привилегированным, Мубарак заботился о нем как о единственной опоре его власти. Значит, у каждого младшего офицера – точно должна быть машина. А куда может пойти, чем может заняться выброшенный на улицу офицер, который ничего кроме службы и не умеет. Самое примитивное и сразу приходящее на ум – такси, экскурсии к пирамидам. Машина есть, особых умений на надо – да и защитить пассажиров он сможет, а с этим теперь просто беда, людей как кур воруют.

Он разговаривал. Больше слушал. Смотрел. Понимал недосказанное. Делал выводы. Почти ничего не записывал. Что-то вроде журналистского расследования – только тут за это могут голову отрезать. Микрокарта за микрокартой – в тайник ложились микропленки, их он намеревался отправить в Иорданию, как только закончит здесь работу и переместится подальше, к штабу третьей полевой армии на Синайском полуострове. По понятным причинам – израильтянам состояние этой армии было крайне интересно.

Пока что он понял следующее: массовых репрессий не было до сих пор. Исламистская власть все-таки не так сильна, она опасается объединения офицеров и вооруженных ответных действий. Поэтому – такого, чтобы в какой то части расстреляли весь офицерский корпус или даже отстранили весь офицерский корпус – такого не было. Но исламисты понимали, что в том виде, в каком есть, армия Египта представляет собой источник постоянной угрозы для их власти и их гегемонии. И исправляли ситуацию, как умели.

Первое – во всех частях от роты – был назначен некто, одновременно и приглядывающий за ситуацией и обучающий солдат исламу. Что-то вроде комиссара в Советской России первых годов. Ситуация в частях после назначения комиссаров – очевидно разнилась, элитные части вряд ли бы стали прислушиваться к доморощенному пропагандисту, в обычной пехоте, которую – как не крути – приходится набирать из простого народа – скорее всего прислушивались. Одинаковым было то, что офицеры относились к наличию в частях пропагандистов чистого ислама крайне отрицательно. Двоих – как раз за это и уволили.

Применялись и методы чисто физического устранения, правда, не в открытую. От троих офицеров – таксистов (правда, в двух случаях Мустафе показалось, что речь шла об одном и том же случае) он слышал историю, как неугодный офицер был убит бандитами на улице, возвращаясь со службы или идя на службу. В двух случаях это был командир полка, в третьем – командир батальона особого назначения. То есть старшие офицеры или офицеры, командующие крайне серьезными частями, представляющими значительную опасность в случае вооруженного мятежа. Такие меры нельзя было применять массово или открыто во избежание бунта – но они применялись. Исламисты считали, что у них много времени... пять... десять лет. Через пять – десять лет египетскую армию будет не узнать...

Применяли исламисты и другие методы. Год назад – было совместное учение, только не с американцами, как раньше – а с армией Саудовской Аравии. По результатам этого учения, признанного «провальным» было уволено много офицеров – очевидно, тех, на которых указали саудиты. В одной из частей – и вовсе появился саудовский советник.

Мустафа знал, что все не так просто и в среде исламистов. Они делились на две большие группы и несколько поменьше. Самая крупная по численности и по влиянию группа – называлась «Братья-Мусульмане», это была автохтонная группа, появившаяся здесь почти девяносто лет назад. Второй по влиянию и по численности – была египетская салафитская партия, прямо связанная с Аль-Каидой, ее политическое крыло называлось «Ан-Нур». В парламенте Египта братья и салафиты были представлены в пропорции примерно два к одному. Разница была в том, что салафиты были более радикальны, они ориентировались на нефтяные монархии Залива и оттуда получали значительное финансирование, у них было не менее мощное, чем у братьев боевое крыло, в котором верх держали лица, участвовавшие в Джихаде в Афганистане, в Ираке, в Йемене сидевшие в Гуантанамо за терроризм. Салафиты отрицали национализм и исповедовали (по крайней мере, высшие руководители) ваххабизм, который до этого почти никак не был представлен на территории Египта. Братья-Мусульмане были менее радикальны и агрессивны, они искали поддержку в среде самого Египта и в отличие от салафитов – считали себя самостоятельной силой, а не египетским отделением организации Аль-Каида. Они более лояльно относились к египетскому национализму, в отличие от салафитов – они не выступали за полный запрет спиртного по всей стране, в том числе в туристических зонах, за отдельные пляжи для мужчин и женщин. Короче, они были реалистами, в то время как салафиты были фанатиками. Но им нужно было и внешнее финансирование, Египет был бедным как церковная крыса – и за неимением альтернативы они обратились к Ирану и получили от него помощь. Не такую щедрую в денежном эквиваленте – но все же. К тому же – Иран мог представить и оружие в любых товарных количествах и подготовленных фанатиков, специалистов по экспорту исламской революции.

Их, кстати, можно было различить и внешне, представителей соперничающих исламских партий. Братья – мусульмане носили и бороду и усы, а салафиты – носили бороду, но без усов, как и положено ваххабиту. Многие – кое-кто даже в парламенте – носил короткие штаны по середину голени – чтобы шайтаны за штанины не цеплялись. Наверняка – салафиты не носили и трусов.

Так вот – линия разлома проходила и в армии, Мустафа это точно уяснил. Он узнал про несколько драк в казармах – скорее не драк, а избиений. В одном случае – назначенный «исламский комиссар» приказал высечь солдат – салафитов кнутом.

Это были чрезвычайно важные сведения. Они показывали, что армия Египта, несмотря на наличие достаточного количества современного вооружения, такого как танки Абрамс или самолеты F16 – практически небоеспособна. Развал офицерского корпуса, дразги среди солдат относительно того, какой вариант ислама правильный, ненависть остающихся на своих постах офицеров. Такая армия не может вести не только наступательные операции – вряд ли она сможет противостоять такой армии как израильская и в обороне.

Мустафа уже собирался сворачиваться, когда наткнулся на этого человека...

Он был среднего роста, внешне ничем непримечательный, чисто выбритый – это было опасно, у мужчины, ходящего без бороды на улицах, могли быть проблемы. Мустафа, уже изрядно уставший – резко свернул, подошел к машине. Это был довольно приличного вида ФИАТ.

– Я турист. Мне бы хотелось посмотреть Долину пирамид. Вы понимаете меня? – сказал Мустафа по-арабски.

Водитель несколько секунд изучающе смотрел на него.

– Садитесь...

* * *

Вещей у Мустафы аль-Джихади не было, только гражданского образца камера через плечо, руки были свободны. Они выехали в долину Пирамид уже под вечер, народа на улицах было немного, и они ехали быстро. Когда был Мубарак – для посещения долины Пирамид было установлено определенно время, поздно вечером туда было уже не попасть. Сейчас такого времени не было – но турист, передвигающийся по улицам по вечерам, рисковал в отель уже не вернуться.

Сейчас – был еще не вечер, но уже близко к этому.

– Говорят, что здесь беспокойно – сказал Мустафа – даже опасно...

– Есть немного – ответил водитель, следя за дорогой.

– Вы не боитесь бандитов?

– Эфенди, это моя страна. С какой стати я должен бояться бандитов в моей стране?

– Не знаю... Вы служили в армии?

– Служил – буркнул водитель.

– Эх... плохо что армия не принимает меры к наведению порядка. Если бы здесь был порядок – люди жили бы лучше.

– Наверное... – водитель явно не настроен был разговаривать.

– Я живу в Иордании – не сдавался Мустафа – у нас там армия следит за порядком. И потому людей не воруют на улицах, как здесь.

Водитель ничего не ответил.

– А где вы служили?

– Эфенди, если я буду болтать, мы никогда не доедем...

* * *

Долина Фараонов или долина Пирамид до исламской революции представляла собой один из главных источников туристских доходов для страны, почти любой, кто прибывал в Египет. Эти сооружения представляли собой одно из чудес света, возле них была создана целая туристская индустрия. Можно было сфотографироваться на фоне пирамиды или сфинкса, купить миниатюрную копию любого сооружения в Долине, а за большие деньги – даже кусочек «настоящей мумии» – в одном из пригородов Каира с неопознанными трупами творили настоящие чудеса... Еще можно было прокатиться на верблюде – сесть на него бесплатно, а вот слезать – извините, уже за деньги. Были туристические маршруты на самый разный вкус и кошелек, обзорные экскурсии разной продолжительности, экскурсии с заходов в сами пирамиды... в общем, чем здесь только не было.

Мустафа аль-Джихади был здесь несколько лет назад как турист. На фоне тогдашнего столпотворения – стоянки для туристических автобусов, пустые на девять десятых выглядели мрачно и уныло.

Они вышли из машины, пошли к пирамидам, кое-где ноги утопали в нанесенном песке больше чем по щиколотку. Почти не было ни продавцов сувениров, ни верблюдов. Раньше здесь был армейский пост и пост антитеррористической полиции, спецподразделения Мухаббарата – долина Фараонов с ее скопищем туристов считалась целью номер один для террористической атаки. Теперь не было ни того, ни другого – стоял внедорожник, проходя мимо Мустафа заметил, как во внедорожнике, открыв рот, дрыхнет полицейский, с автоматом, с бородой, но без усов. И больше не было ничего – очевидно, новой власти было все равно, даже если кто-то вынесет отсюда саркофаг Тутунхамона. Или чего-нибудь еще. Все, что было в Египте до ислама, древнейшая и самобытнейшая культура объявлялась харамом. Дошло до того, что в некоторых пирамидах особо фанатичные закрашивали баллончиком лица людей на фресках.

Как, оказывается, просто оказалось решить проблему терроризма в долине Фараонов. Нет туристов – нет и терроризма.

Они зашли в какую-то гробницу... там было пыльно и пустынно. Мустафа еще раз попытался завести разговор про армию, но получил пару уклончивых ответов и больше ничего. Потом – они зашли в другую гробницу, там было еще и темно. Мустафа шел за своим провожатым, который шагал уверенно, очевидно, зная куда идет. И тут – провожатый обернулся и врезал кулаком Мустафе в солнечное сплетение, да так, что у иорданского журналиста искры из глаз посыпались, и свет в глазах померк.

* * *

Мустафа окончательно пришел в себя в какой-то камере, низкой, темной, пыльной и очевидно не имеющей выхода, кроме того, откуда они пришли. Строители пирамид были загадочными парнями – в обычной пирамиде было полно каких-то отнорков, коридоров, которые никуда не вели и были построены неизвестно зачем. Возможно, в некоторых из них что-то было – но это украли грабители еще до того, когда сюда пришли археологи. Возможно, это были какие-то ловушки. И сейчас – пирамиды были столь загадочными объектами, что с использованием современных пустотных сканеров – то и дело отыскивалось что-то новенькое.

Луч света светил ему в лицо. Ему было трудно дышать, он подумал, что возможно, у него сломано ребро. Или два ребра.

– Ну и кто ты такой, черт побери?

Вопрос был задан на арабском.

– Я журналист. Иорданской газеты.

– Чушь собачья.

На живот ему плюхнулся диктофон. Очевидно отключенный.

– Ты из этих?

– Из каких этих, черт побери?

– Кто на меня донес?

– Я не знаю, о чем ты.

– Смотри сюда, шакал.

Перед фонарем, в луче света появилась рука. В ней был пистолет, настоящий Sig 226 с настоящим коротким, очень современным глушителем.

– Видишь? Сейчас здесь не так много народа ходит. Тебя найдут через несколько дней, меня в стране уже не будет. Итак... кто тебя послал?

Мустафа решил рискнуть.

– Парень, проверь мой бумажник. Там кое-что есть.

Сказано было по-английски.

– Чушь.

Ответ был по-арабски.

– Я сейчас достану бумажник и протяну его тебе. У тебя есть оружие, у меня его нет. Ты ведь не боишься меня?

Для любого араба признаться, что он боится – означало потерять лицо.

Мустафа продолжал говорить по-английски.

– Хорошо. Только не дергайся.

Мустафа достал бумажник из кожи, телячьей, а не свиной и протянул его водителю такси.

– Посмотри за подкладкой. Там есть небольшой шов. Внизу.

Водитель сделал так, как он сказал. Достал карточку, поднес к свету.

– И что это значит, черт тебя дери?

– Это карточка генерального директора новостного вещания CNN. Подлинная.

Водитель помолчал какое-то время.

– Ты американец? – спросил он.

– Нет, я араб.

– Но работаешь на американцев?

– Я ищу новости для них. Я репортер...

Водитель сильно ударил Мустафу по ноге.

– За что!?

– Предатели...

* * *

На долину Фараонов опустилась ночь. Тяжелая, душная летняя ночь, не приносящая отдохновения...

– Откуда ты? Где ты служил?

Водитель недовольно покачал головой.

– Какая разница.

– Я твой друг.

– Американцы больше не друзья. Американцы предали нас.

– Это ложь!

– Это правда! – водитель вспыхнул как порох – американцы приказали нам не вмешиваться в одиннадцатом! Они едва не убили нашего полковника, когда тот решил все же выполнить приказ! Американцы предали нас!

– Так приказ все же был? – Мустафа не знал, что именно за приказ, но понимал, как важно поддерживать разговор.

– Конечно! Как он мог не быть! Одного нашего батальона хватило бы, чтобы разобраться со всей этой чертовой площадью! Мы могли исполнить приказ! Мы хотели исполнить приказ! Мы знали, что будет, если мы не исполним приказ! Но американцы... они прибыли к нам... сказали, для совместных тренировок. Они жили бок о бок с нами. А когда пришла пора действовать – они приставили пистолет к нашей голове. Полковника избили, а моего друга убили, когда он пытался вскрыть оружейную комнату! Вот как!

Мустафа внезапно понял, что речь идет о площади Тахрир и о событиях арабской весны.

– Как американцы могли так сделать?

– Это ты мне скажи, эфенди, как американцы могли так сделать? Им нельзя верить, они предали нас!

– Меня они не предавали.

– Значит, еще предадут. Им нельзя верить!

– Где ты служил?

– Восемьсот восемнадцатый батальон – нехотя ответил водитель такси – половина из этого батальона уже на улице.

Мустафа аль-Джихади присвистнул бы, если бы за его плечами не было двадцати с лишним лет опыта выживания в волчьей стае. Аль-Куват Аль-Хасат – спецназ Египта, коммандос. В первой полевой армии они сведены в сто пятьдесят третий полк коммандос, который делится на три батальона – пятьсот пятнадцатый, шестьсот шестнадцатый и восемьсот восемнадцатый. Те в свою очередь делятся на четыре роты каждый. Коммандос Египта нельзя было недооценивать – сначала их готовили советские специалисты, под командованием которых они с минимальными потерями форсировали Суэц, а потом, последние тридцать лет их учили американцы. Боевые пловцы – Аль-Куат аль-Хассат – тренировались даже совместно с SEAL, американскими боевыми пловцами. Несмотря на политическую поддержку Израиля – военная поддержка США была далеко не так очевидна, в последние годы американцы помогали даже врагам Израиля. А арабская весна и последовавшие за ней события – окончательно развели две страны по разные стороны баррикад.

Итак, этот парень из коммандос. И, скорее всего – имел прямое отношение к событиям арабской весны. Просто удивительно... что армия не сработала в нужный момент, что отказали все системы безопасности, какие есть в любом государстве, тем более в таком, где убивали на площади президентов и совершались государственные перевороты. Один человек – ничего не может сделать против государственной машины. И тысяча – ничего не может. И даже миллион – ничего не может, если государство построено правильно. Институт государства развивался на протяжении нескольких веков как инструмент господства и узаконенного насилия. И к двадцатому веку этот инструмент развился до такой степени, что стало обыденностью – левое население при правом государстве. Исламистское население – при западном государстве и западных законах как в Египте. Такие государства, которые не выражают волю большинства населения – особенно тщательно подходят к созданию системы безопасности, и чтобы она не сработала в критической ситуации – должен быть какой-то очень и очень серьезный фактор.

Как американцы, например.

– Ваш батальон еще существует?

Водитель невесело усмехнулся.

– Какая разница, эфенди...

– Большая. Скажи мне правду.

– Правду. Ты хочешь знать правду? Так вот – большую часть нашего батальона расформировали. А те, кто присягнул аллашникам – те сейчас работают в лагерях в западной части страны и в Восточной Ливии. Готовят силы исламской милиции. Там уже не роты – там батальоны и полки. ХАМАС, Исламский джихад, Свободная армия Сирии и кого там только нет. Вы воюете с ними одной рукой – а другой готовите им смену!

Исламская республика Египет. Исмаилия. 30 июня 2014 года

Исмаилия, город у устья Суэцкого Канала – был ключом к Синайскому полуострову, которым когда то владел Израиль, но теперь им владел Египет. В этом городе был расположен штаб третьей полевой армии Египта, перевооруженной на самое современное оружие. В составе третьей полевой армии тоже были части специального назначения, в том числе элитная сто одиннадцатая бригада морской пехоты, бывший сто тридцатый батальон коммандос. Именно они – первыми форсировали Суэцкий канал в семьдесят втором и прорвали линию Бар-Лева. Относительная близость к Каиру, довольно значительное проникновение западного образа жизни благодаря туристическим центрам и туристам – все это должно было противодействовать проникновению радикального ислама, в том числе салафитского. Важно было понимать состояние дел в этой группе войск – потому что она непосредственно угрожала Израилю.

До Исмаилии Мустафа добрался на электричке. Электричка здесь была грязная, засранная, с выбитыми стеклами. Останавливалась она где попало, в вагонах везли баранов, а некоторые камикадзе ехали на крыше. Он попал на электричку днем – в час дневного намаза она остановилась прямо на путях (!!!) и ехавшие толпой вывалились из поезда, чтобы совершить намаз. Вся эта непредставимая дикость происходила в двадцать первом веке, в стране, которая пятьдесят лет назад готовилась делать атомную бомбу, приглашала бывших германских физиков, ракетостроителей, облетывала прототипы собственных реактивных истребителей. Сейчас прогресс здесь – шел полным ходом, но не вперед, а назад под вой с минаретов и причитания правоверных перед тем, как перерезать кому-нибудь глотку, барану или человеку, неважно.

Вокзал в Исмаилии был точно такой же – грязный, засранный. В отличие от вокзала в Каире – на этом были следы от пуль, но немного. Что здесь произошло – Мустафа не знал и не хотел знать. Он привычно закинул на плечо купленную в Каире грязную сумку – хоть с новенькой камерой с ремнем через плечо означало провоцировать насилие. Первый же таксист – оказался таким, с которым было о чем поговорить...

Потом Мустафа провалился.

Разведчик обычно проваливается по одной причине – неверно принятое решение. Можно искать себе сотню оправданий, но в итоге – всегда приходишь к одному и тому же: неверно принятое решение приводит в застенки Мухабаррата, на шариатский суд в качестве подсудимого, в руки разъяренной толпы. Мустафа просчитался – он не мог понять где, но просчитался. Разговаривая с таксистами – он невольно зарождал у них подозрения относительно себя и понимал, что в части случаев даже щедрый бакшиш их не заглушит. Но он надеялся на то, что бывшие, отставные офицеры пусть и патриоты своей страны – но той страны, которой они давали присягу и которой они были нужны. А не нынешнего Египта, погружающегося в трясину мракобесия как вол – в жидкую черную грязь низовий Нила. До определенного момента это срабатывало – но где-то он просчитался. Он мог предвидеть и это – но в данном случае он рассчитывал на удачу и на грубую, топорную работу местной контрразведки. До исламской революции местный Мухабаррат и так не отличался особой грациозностью – какие к чертям хитроумные комбинации, когда некоторые сотрудники и среднюю школу нормально не закончили, а в каждом городе существует тюрьма, где безнаказанно насилуют, бьют, пытаются и держат столько, сколько нужно. А сейчас и вовсе – победившие исламисты расправились с ненавистными мухабарратчиками, на их место поставили своих, еще более тупых и неграмотных. В его понимании – если кто-то донесет – за ним должны были установить слежку, слежку грубую и неумелую – и это стало бы для него сигналом сворачивать удочки – тем более что он пошатался по городу и наел два места, где прекрасно можно стряхнуть хвост. Но получи-

лось совсем по-другому: до самого последнего момента он и не подозревал, что его вот-вот арестуют. А когда понял – что-либо предпринимать было уже поздно.

Он договорился с очередным таксистом, у того был старенький глазастый Мерседес Е, наверное, купленный в Европе с пробегом тысяч в пятьсот и здесь прошедший ненамного меньше. Когда они вырулили со стоянки – Мустафа привычно оглянулся – за ними никто не поехал. У него было маленькое зеркальце, уместяющееся в ладони, используя которое можно было незаметно проверять, не увязался ли кто за тобой. Но тут он не стал этого делать – потерял бдительность.

И тут же заплатил за это. На одной из улиц – они разговаривали с водителем – и тот вдруг замолчал, чуть притормозил и взглянул в боковое зеркало. В голове Мустафы зазвенел колокольчик тревоги – но было уже поздно. Небольшая легковая Тойота подрезала их, внедорожник Ниссан с тонированными стеклами притерся сзади – и вооруженные люди бросились к машине. Мустафа попытался избавиться от диктофона, центральный замок давал несколько секунд для этого. Но центральный замок каким-то образом оказался открыт – хотя все египетские таксисты закрывают его, чтобы пассажир не сбежал, не заплатив. Люди в масках вытащили его на тротуар и стали бить ногами. Потом – сковали руки наручниками, набросили на голову черный мешок и бросили в багажник внедорожника...

* * *

Варианта было два – либо похитители, либо местная контрразведка. Оказалось – второе.

Его привезли в местную тюрьму и бросили в камеру – омерзительную переполненную людьми, негде было не столько спать, сколько даже сидеть. Его приняли нормально, не избili – как выяснил Мустафа, здесь были обычные люди, которые нарушили тот или иной закон шариата и ждали за это наказания. Один побрился. Второй ел или пил харам. У третьего жену увидели без паранджи – в таких случаях арестовывали всегда мужчину. Товарищи по несчастью просветили его относительно того, что будет дальше – шариатский суд и наказание. Нормального суда не было, потому что судью убили, за то, за что сидели здесь они – наказание назначалось в виде какого-то количества ударов кнутом. В тюрьмы сейчас почти никого не сажали – заключенных надо было содержать и кормить. Что же касается Мустафы – он почему-то был уверен, что египетская Фемида не будет к нему особенно благосклонна. И не ошибся.

Часа через два после того, как его привезли сюда – в камере открылась дверь.

– Иди сюда! Сын свиньи, жидовский шпион!

Ворвавшиеся в камеру военные в красных беретах – Мухабаррат, силы безопасности – схватили иорданского журналиста, подозреваемого в шпионаже, потащили из камеры. Попытка пойти самому – была вознаграждена сильным ударом по голове, от которого помутилось зрение. Его подхватили под руки и потащили по коридору. Те, кто шел мимо по коридору – пользовались возможностью, чтобы ударить пленника.

Наконец, его втащили в какое-то помещение, бросили на стул. Пристегивать наручниками не стали. В помещении – было полно военных, вооруженных.

Стол. Три стула. Разбитое окно. Зеленый флаг с шахадой.

– Именем Аллаха!

Понятно, исламский трибунал. Или шариатский суд, как правильно.

Один из конвоиров ударил Мустафу.

– Говори: Именем Аллаха, свинья!

– Именем Аллаха! – повторил Мустафа.

В трибунале – места занимали судьи. Офицер с погонами полковника, какой-то солдат и бородатый, только без усов мулла. В комнате была духота, кондиционер был – но наверняка сломался, и починить было некому. Пахло несвежей пищей, потом, мочой...

Допрашивать принялся мулла.

– Ты правоверный? – спросил он подсудимого по-арабски.

– Ла иллахи Илла Ллаху Мухаммед расуль Аллах – сказал Мустафа.

– Как твое имя?

– Мустафа аль-Джихади.

– А имя твоего отца?

– Ибрагим.

Слова «Аль-Джихади» – не прошли мимо внимания муллы.

– Ты сказал, что твоя фамилия аль-Джихади. Что это значит?

– Это значит, что я участвовал в Джихаде Аллаха.

– Где?

Где... Первый раз – он участвовал в Джихаде Аллаха еще в восемьдесят седьмом, когда он и еще несколько израильтян – тайно проникли в Пакистан, чтобы вести разведку и оценить возможность победы моджахедов в Афганистане. А потом... было еще много чего.

– Первый раз я вышел на пути Аллаха в Пакистане. В четыреста шестом⁴...

Мулла подозрительно смотрел на него.

– Он лжет! – выкрикнул солдат, явно весьма польщенный тем, что ему, простому солдату досталось место в исламском трибунале.

Мулла поднял палец.

– Нехорошо говорить про брата нашего, что он лжет до тех пор, пока не выслушаны свидетели. Согласно шариату, должны быть два свидетеля мужского пола, а если таковых нет, то допускаются свидетели женского пола или дети, но свидетельство двух женщин приравнивается к свидетельству одного мужчины. Давайте послушаем свидетелей перед тем, как выносить суждение по шариату о виновности нашего брата...

Первым свидетелем оказался тот самый таксист. Второго – он никогда не видел.

Посоветовавшись на месте, рассмотрев доказательства в виде цифрового диктофона и видеокамеры – шариатский суд вынес решение: смертная казнь американскому и израильскому шпиону...

* * *

Из здания суда – его выволокли двое мухаббаратчиков – это оказалась территория воинской части, тоже неприбранная и анархичная. Были видны шатающиеся солдаты, стоящая гражданская техника – машины и мотоциклы, мотороллеры. Свободные от службы солдаты собрались, чтобы поглазеть на американского и израильского шпиона – такое зрелище они видели впервые в жизни, кто-то смотрел с почти детским любопытством, кто-то – со звериной ненавистью. Один из солдат плюнул в него. Его провели к внедорожнику – старый Ниссан иранского производства, распространенный на Востоке – и втокнули назад, в багажник. Потом – в машину сели еще несколько человек, он понял это по тому, как машина мягко качнулась на рессорах. Потом – заперхал загнанный, как дохлая лошадь, двигатель и они, хвала Аллаху, тронулись. Судя по звуку – за ними шел еще один грузовик, возможно пустой, возможно – с солдатами.

Мустафа начал готовиться к смерти.

Он прекрасно понимал, что рано или поздно умрет, он предполагал, что уже никогда не увидит Израиля. Он не надеялся продержаться столько, сколько продержался на самом деле – и был зол на себя, на то, что так дешево попался. Он работал в Пакистане, в саддамовском и постсаддамовском Ираке, в Турции, на русском Кавказе, в Ливии – и то, что он попался

⁴ Году хиджры.

здесь, казалось ему дикой несправедливостью. Но есть то, как оно есть – и он понимал, что выпавшая ему смерть наверняка не худшая. Если только солдаты не станут над ним издеваться, а просто исполнят приговор. Для людей его профессии – пожелание быстрой смерти было добрым пожеланием.

Он был солдатом израильской армии, когда-то данным – давно – так давно, что он уже не считал себя израильтянином. Будучи не арабом по крови он уже давно считал себя арабом и никто не мог отличить его от араба. Он работал на Израиль и был одним из ценнейших активов МОССАДа – но при этом он искренне любил арабский народ, арабов. Это были лучшие друзья, когда ты становился их другом и опаснейшие враги, когда ты становился их врагом. Из раза в раз – они выбирали себе вождя, потому что подчинение вождю, сильнейшему было в их генах – вот только вождь раз за разом либо с самого начала оказывался подонком, либо становился таким со временем. Подлинным проклятием была нефть: израильтяне не имели ничего, кусок просоленной пустыни и горы, вот и все что у них было вначале – поэтому, они вынуждены были всего добиваться тяжелым трудом. Арабы имели нефть, они продавали ее, получали деньги и могли ничего не делать, ничего не изобретать, не создавать, не открывать. Получалось так, что страны, где была нефть, утопали в мракобесии, просто от жиру бесились как Саудовская Аравия – причем таких же, как они арабов они ввозили на рабских правах и эксплуатировали без зазрения совести. А те, у кого нефти не были – завистливо смотрели на тех, у кого она была и пытались подражать им во всем – прежде всего в мракобесии. И те, кто обвязывался поясом шахида и шел, чтобы подорваться – даже не подозревали, что смерть их была угодна не Аллаху, а нефтяным шейхам, которым надо было поддерживать высокие цены на нефть и шантажировать Америку. Они знали это... многие, по крайней мере, в городах – догадывались, что не все так просто – ведь Интернет был доступен, и можно было узнавать самые разные мнения. Однако, они были слишком горды, чтобы признать ошибочность собственного пути, потому что это значило признать ошибочность пути, по которому шли их отцы, деды и прадеды. И они продолжали лить кровь на иссушенную солнцем землю, которая и так впитала, Аллах знает сколько крови.

А вот сейчас – она впитает и его кровь. Машина качнулась на рессорах и остановилась.

Захлопали дверцы. Потом – открылась пятая дверь – и его вытащили наружу, поставили на ноги. Потом – его отвели в сторону, и кто-то расстегнул наручники. За Нисаном – шел старый американский армейский трехосник, сейчас около него толпились солдаты, пополам в красных беретах Мухабаррата и в обычных, армейских. Они с любопытством смотрели на них.

Исполнителей приговора было двое, они стояли в нескольких шагах от него. Один – тот полковник, который заседал в шариатском суде, среднего роста, плотный, с короткой, аккуратно ухоженной бородкой. Второй – выше его на голову, майор с угрюмым, чернявым лицом. Одной рукой он держал русский автомат, второй – бросил ему короткую саперную лопатку.

– Копай, сын свиньи! – сказал полковник.

– Как ты смеешь называть так меня, правоверного, участвовавшего в джихаде!?! – Мустафа аль-Джихади решил играть роль до конца.

– Какой ты правоверный! Ты сионист и жидовский шпион. Копай, а то пристрелим тебя и бросим в пустыне на растерзание животным!

Стоявший рядом с полковником майор передернул затвор автомата.

Мустафа аль-Джихади принялся медленно копать неподатливую почву. Лопата за лопатой... каждая лопата означала еще несколько секунд жизни.

– А теперь слушай меня... – вдруг сказал полковник по-английски.

Мустафа аль-Джихади никак не отреагировал, он продолжал копать. Вероятность того, что его расстреляют сейчас – пятьдесят на пятьдесят. Могли и просто пугать, имитируя казнь. Так бывает...

– Можешь ничего не говорить, просто слушай и копай – продолжал полковник – я знаю, что ты израильский шпион, но мне на это наплевать. Я говорю с тобой от имени военных, которым не наплевать, что происходит с нашей многострадальной страной. Американцы предали нас, они продались с потрохами саудитам. Остались только вы...

Мустафа аль-Джихади продолжал копать.

– У нас остались кое-какие силы. Республиканская гвардия – там весь генеральский состав уже не наш, но в командовании осталось достаточно наших людей. Можешь проверить, как выберешься – меня зовут Исмаил Тури, полковник Исмаил Тури, девятая танковая дивизия. Я учился в Соединенных штатах Америки, сейчас занимаю должность начальника разведки дивизии. Моего предшественника – убили только за то, что он отказался присягнуть этим проклятым исламистам. И не только его самого – но и всю его семью. Меня тоже в любой момент могут расстрелять – только за то, что я плохой правоверный. Любой солдат, любой подчиненный может на меня донести, и меня будут судить шариатским судом. Я лучше передаю всю эту мразь гусеницами танков, чем смирюсь с этим и дам себя зарезать как барана.

Аль-Джихади вспомнил – на вооружении девятой танковой дивизии были танки M1A2 Абрамс. Уступают последним моделям Меркавы – но оружие серьезное...

– Теперь слушай внимательно, что я тебе скажу, и передай своему командованию, как только выберешься. Наши люди, которые еще остались – скажут исламистам, что они согласны напасть на Израиль. Такое предложение было сделано... они думают, что мы погибнем в боях с вами, а Египет останется для них. Но это будет сделано только для того, чтобы скрыть приготовления к военному перевороту. Мы хотим огнем выжечь всю обосновавшуюся в Каире нечисть. В танковых войсках в ВВС исламистов мало, мы знаем про них и убьем, как только наступит день. И мы не будем воевать с израильской армией. У нас достаточно верных людей в армии – чтобы разобраться со всеми предателями и для через три – зачистить Каир.

Все это звучало достаточно дико и безумно. Но разве не было дикостью и безумием то, что происходило в последнее время по всему региону?

– Запомни мой номер телефона для связи – полковник дважды отчетливо продиктовал ряд цифр – звонить надо только с нашей территории и очень осторожно, звонок отслежат. Один раз, потом надо будет придумать какой-то другой способ общаться. Нам нужно держать друг друга в курсе событий, чтобы мы не думали плохо про вас, а вы – про нас. Во второй или третьей декаде этого месяца мы планируем выступить. Ближайшая деревня в трех километрах на север. Доберешься до нее, дальше найдешь, как выбраться в Израиль. И помни – я не друг тебе, израильтянин, и никогда им не буду. Но мы жили сорок лет в мире – и я не вижу причин, почему бы не прожить в мире еще сорок лет. Нас предали все – и теперь злейший враг – будет лучше друга, который держит за спиной кинжал, чтобы вонзить его в тебя, как только ты отвернешься. А теперь – давай сюда лопату, сын свиньи и шакала!

Последние слова – полковник выкрикнул. Мустафа аль-Джихади бросил ему лопату – а стоявший рядом майор вскинул автомат и выстрелил Аль-Джихади в голову. Последнее, что он почувствовал – как полковник пинком сбросил его тело в выкопанную им же самим неглубокую могилу...

* * *

Первым ощущение Мустафы аль-Джихади была боль. Боль тупая, сильная, она начиналась где-то слева, над ухом, потом распространялась на всю голову. Ломило виски.

Потом – ему вдруг в голову пришла мысль, что если ему больно, значит, он жив до сих пор.

Что с ним? Где он?

Мысли вяло шевелились в голове – как крыса, зад которой переехала машина. Но крысы чертовски живучие твари и даже это не убивает их.

И он – жив.

Он пошевелился – и почувствовал, что шевелиться очень тяжело. Очень тяжело...

Он по-прежнему в тюрьме? Сидит в карцере?

Или он уже в аду? Рай ему – точно не светил и он это хорошо знал...

Он пошевелил пальцами – и почувствовал, что тяжесть, которая давит на него – не монолитна, она сыплется, просачивается между пальцами.

Потом он вдруг вспомнил – как вспышка света. Лопата в руках, слова на английском языке – а потом грохот автомата, оглушивший его навсегда. Его разоблачили как израильского шпиона и расстреляли – но при этом он остался жив.

Потом он понял, что его похоронили заживо. И ужас от осознания этого – впрыснул в кровь ударную дозу адреналина, заставил шевелиться. Даже полураздавленная машиной – крыса не расстанется с жизнью просто так. И он – не расстанется.

* * *

Час с небольшим спустя – иорданский журналист Мустафа аль-Джихади тяжело дыша, сидел на краю неглубокой могилы, из которой он выбрался после того, как пришел в себя. Земля была сухая, тяжелая твердая – могилу он успел выкопать совсем неглубокую. Земля была твердая, кусками, это не песок, который похоронил бы его заживо – а командовавший расстрелом полковник не распорядился затрамбовать могилу.

Пуля – прошла по касательной, контузив его. Тот майор был профессиональным стрелком, он выстрелил так, чтобы контузить его – но даже стоявшие чуть вдалеке солдаты смогут подтвердить, что жидовский шпион расстрелян и закопан. То, что старшие офицеры египетской армии поступили именно так – доказывает, что заговор в армии есть и то, что он слышал – не просто слова отчаявшегося офицера-танкиста...

Сухая земля присыпала рану и не дала течь крови, образовалась корка. Земля здесь чистая, солнце жарит так, что аж страшно – даже без антибиотиков заражение вряд ли будет. Болит очень сильно, попытка прикоснуться к ране вызвала такую боль, что аль-Джихади решил даже не перевязывать рану. Может быть, потом.

Он заворочался, высвобождая из земли ноги – и тут пальцы аль-Джихади наткнулись на что-то в земле... какой-то пакет. Сначала он подумал, что от контузии у него просто начался бред... но это и в самом деле был пакет. Трясаясь от холода – он вскрыл его. Там оказалась тонкая пачка египетских денег, сотня долларов, небольшая рация, фляга с водой, два куса сушеного мяса, фонарик, дешевые электронные часы с компасом и карта. Он включил фонарик – и увидел, что кто-то поставил на карте Суэца крестик красным карандашом. По-видимому – крестик обозначал это место.

Место, где его расстреляли.

Надо идти...

Иорданский журналист Мустафа аль-Джихади вспомнил молодость. Срочную он служил в бригаде Гивати, в секторе Газа, где и погиб в восемьдесят пятом при подрыве бронетранспортера. Обгоревшее до неузнаваемости тело похоронено на военном кладбище. Гоняли их в бригаде зверски – а если верить карте, то три ночи пути – и он выйдет к морю...

Три ночи пути. Но путь длиной в тысячу миль начинается с первого шага, верно?

И с этими мыслями – журналист заковылял на запад...

* * *

К морю – он вышел только на четвертую ночь. Сил – просто не было...

Весь день – он пролежал неподалеку отсюда, набросав на себя песка. Он слышал голоса, но кому они принадлежали – не знал. Да и не интересовался особо этим – если даже и увидят его, то увидят полумертвого, неизвестно кем подстреленного человека в арабской одежде. Наверное, попытаются помочь, а не пристрелят сразу...

На пятые сутки за ним пришли.

Из последних сил он выполз на берег, огляделся. Никого... только далеко – далеко – зарево на горизонте, огни Порт-Саида, города, который объявлен разрешенным для иностранцев и потому там был свет. Никого не было – ни патрулей, ни просто устроившихся на берегу парочек. Он подполз поближе к воде, посмотрел на часы и принялся ждать. Ему было предписано – каждый час, когда будет час ровно – подавать сигналы фонариком.

В два часа ночи – узконаправленный, но мощный луч со стороны моря прорезал темноту. Мустафа аль-Джихади не стал выключать фонарик – он понял, что спасен.

Через несколько минут – небольшая лодка подошла почти вплотную к берегу. Это была необычная лодка – она была как обычные скоростные лодки с жестким днищем – но баллоны по бортам были вдвое меньше стандартных, посередине – был мощный горб как на подводной лодке – в нем находились аккумуляторы. Были и два лодочных мотора – но оба с длинными трубами воздухозаборников. Такая лодка могла идти в надводном состоянии на обычных моторах, в полупогруженном состоянии – так что видны только трубы и изредка выныривает голова рулевого, чтобы осмотреться – и в полностью погруженном, на аккумуляторах. Четыре человека в черных водолазных костюмах и с автоматами Калашникова соскочили с лодки, как только она подошла на несколько метров к берегу и остаток расстояния до земли преодолели вброд. Дальше – двое заняли позиции на левом и правом фланге, а двое – бросились к подающему сигнал фонарику Агенту. Шаетет-13, спецназ израильских ВМФ – прибыл, чтобы забрать подавшего установленный сигнал бедствия агента.

Сильный, но невидимый невооруженным глазом луч света высветил его лицо – в приборы ночного видения он был виден прекрасно.

– Это он.

– Он в плохом состоянии.

Один из спецназовцев, очевидно получивший подготовку санитара начал осматривать лежащего агента. Боль вернула того из забытия – он пошевелился и застонал.

– Тихо, тихо... Ранение головы... вроде кость целая, но это серьезно. Сильное обезвоживание, усталость... полный набор, в общем.

– Дай ему воды.

– Я не знаю, что с ним, Йоси. Может быть, лучше дождаться, пока его осмотрит настоящий врач?

– Мы можем его не довезти. Я дам ему попить. Держи голову.

– Осторожнее...

Один спецназовец поддержал голову, начал накладывать что-то типа пластыря. Второй достал что-то вроде бутылки для спортсменов, с пробкой-дозатором. Осторожно начал давить, выдавливая содержимое в рот найденного ими человека...

– Черт, что ты ему дал?

– Куриный бульон. Жена сварила.

– Вот идиот. А если у него аллергия?

Пострадавший что-то пробормотал.

– Что? Что ты сказал? Ты слышал?

– По моему он сказал «эсрим». Двадцать.

– Двадцать? Чего – двадцать?

– Черт возьми, что вы там копаетесь?! – прошипел в микрофон один из прикрывающий высадку бойцов – давно пора делать ноги!

– Не шуми – ответил санитар – я закончил.

– Он перенесет транспортировку? Я имею в виду соленую воду.

– Главное, чтобы чистая. Дай свою шапочку. Вот... так. Взяли.

Сложив руки в замок – двое спецназовцев взвалили на них попавшего в беду агента и перенесли в воду на лодку. Следом, держа под прицелом берег, отступили и прикрывающие. Лодка, тихо забурчав моторами – пошла в открытое море.

В Средиземном море, в нескольких милях от берега – их забрала ненадолго всплывшая израильская дизельная подлодка.

Тель-Авив, Израиль. 03 июля 2014 года.

Заседание израильского кабинета безопасности

Израильская система власти мало похожа на системы власти развитых государств и если и схожа с чем-то – так это с системой власти, принятой в Великобритании. Общие черты – значительное количество неофициальных комитетов, подкомитетов, комиссий, организаций, создаваемых *ad hoc*⁵. Ни в одной развитой стране такая система власти невозможна: во-первых, это приведет к лавинообразному нарастанию количества бюрократов, каждый из которых потребует себе кабинет, оклад, помощников, служебную машину, медицинскую страховку и досрочную пенсию. Во-вторых – каждая из таких организаций будет стремиться из временной сделаться постоянной, а своей основной целью существования будет видеть скандалы и грызню с другими организациями и органами власти. В Великобритании такая система власти сохраняется как традиция – а сложилась она потому, что в период ее формирования должности занимали дворяне, которым не выплачивалось регулярное вознаграждение из казны. Выплаты, конечно, были – но только за что-то конкретное, за какие-то конкретные успехи⁶. Таким образом, дворяне не были заинтересованы ни в бюрократизации (людей элементарно не хватало) ни в выцарапывании дополнительных себе полномочий (бесплатный труд). А в Израиле – мертвящий бюрократизм не развивался по другой причине: не все, но многие понимали, что они окружены со всех сторон десятикратно превосходящим по численности противником и забвение целей может привести к тому, что их сбросят в море, уничтожат от первого человека до последнего. Поэтому, каждый делал, что мог и как можно лучше.

Кабинет безопасности Израиля был одним из «пятых колес», призванных поддерживать страну в критической ситуации – а в мирное время уходить в тень. Впервые – этот кабинет был создан Голдой Меир, он с тех пор получил прозвище Кухня Голды. Официально – его существование было признан и каким-то образом урегулировано только в двухтысячном году. До этого – он существовал как неформальный клуб, и от действующего премьер министра страны зависело – созывать его или нет, и если созывать, то в какой ситуации.

Согласно закону от первого года – кабинет безопасности Израиля призван принимать решения в ситуациях, угрожающих безопасности или даже самому существованию государства Израиль. Кабинет состоит из премьер-министра страны и пяти постоянных членов: министров обороны, внутренней безопасности, юстиции, иностранных дел и финансов. Как нетрудно заметить – ни один из директоров спецслужб не состоит постоянным членом Кабинета безопасности, премьер-министр имеет право приглашать их на заседания или не приглашать. Согласно закону – премьер-министр на время своего правления может кооптировать в Кабинет безопасности других министров кабинета по своему усмотрению – но при условии, что их число не превысит половины от общего числа министров кабинета. Когда состав Кабинета безопасности не был урегулирован законом – считалось хорошим тоном приглашать на его заседания лидера оппозиции – тем более, что в те времена лидерами оппозиции часто были прославленные боевые генералы. Но времена изменились – например, на момент написания этих строк лидером оппозиции является женщина по имени Ципи Ливни – и сейчас лидера оппозиции приглашали на такие заседания редко.

Информация, переданная вернувшимся в Израиль после более чем двадцати лет работы на холоде агента, была столь важной, что кабинет безопасности собрался ночью, министров

⁵ Для конкретного случая.

⁶ Возможно, это стоит вспомнить и нам. А возможно, и не стоит – потому что, как говорят: с чиновников можно даже плату за вход брать и они все равно будут на работу ходить. Это не всех должностей касается – но немало их количества.

поднимали с постели. Собрались в резиденции Премьер-министра Израиля, под ней был укрепленный бункер – но в него спускаться не стали. Ситуация пока не стала критической – хотя в любой момент могла стать таковой.

На момент, когда состоялось это заседание – Премьер-министром Израиля вот уже несколько лет был человек по имени Беньямин Нетаньяху. По мнению лидеров оппозиции – партии Авода – это был слишком долгий срок, тем более для человека, относительно которого были серьезные подозрения в коррупции. Однако, арабская весна и последовавшее за ней резкое обострение обстановки со всеми соседями сделали миротворческие заявления партии Авода звучащими не слишком убедительно. И если выборы девятого года Ликуд проиграл Аводе⁷ с минимальным счетом – выборы тринадцатого года он выиграл, причем так, что не пришлось создавать широкую коалицию как в девятом. Как показали последующие события – ничего хорошего в господстве Ликуд не было, а выборы тринадцатого года стали последними в истории Израиля.

Беньямин Нетаньяху был братом национального героя Йонатана Нетаньяху, погибшего при штурме аэропорта Энтеббе с израильскими заложниками. Сам Нетаньяху учился в США, ходил в американскую школу и учился в престижнейшем МІТ⁸, потом служил в армии – но ничем особым не отличился и рано ушел в политику. Среди израильских политиков он считался проводником интересов США в Израиле, твердым сторонником проамериканского курса, что и сыграло катастрофическую роль и в четырнадцатом и в пятнадцатом.

Нетаньяху был внутри намного слабее и хуже, чем это было принято представлять в среде его сторонников, то что он возглавил правый Ликуд после целой череды боевых генералов ничем хорошим не грозило. Он всегда использовал славу своего погибшего брата. Он считался экспертом по борьбе с терроризмом и даже основал институт по проблемам терроризма, названный... догадайтесь, в честь кого⁹... но при этом – он сам никогда не боролся с терроризмом, не понимал, какие мотивы движут террористами и какие реально эффективные методы противодействия терроризму существуют. Возможно, если бы он подольше послужил в армии, поработал в спецслужбах – это понимание появилось бы – но этого не было. Его жесткость в работе с арабским миром была обусловлена не внутренней твердостью и даже не желанием отомстить за погибших от рук террористов и боевиков сослуживцев. Он был вынужден вращаться в среде боевых офицеров – и для того, чтобы не выглядеть там сосунком, он был вынужден занимать самые крайние, самые агрессивные позиции, порой он даже не понимал, что предлагает и о чем говорит. Отсутствие реального боевого опыта и опыта работы в спецслужбах делали его чрезвычайно уязвимым при длительной и многофакторной игре – не имея богатого личного опыта, он не знал, как реагировать в той и иной ситуации и выбирал простейшее – тупо и упорно стоять на своем. Пусть даже было больно и становилось все больнее и больнее.

Негативом для его должности был и его опыт длительного проживания в США. Этот опыт не дал сформироваться подлинному, осознанному патриотизму, когда свою страну любишь не потому, что иначе нельзя – а за что-то конкретное, пусть даже и за березы на пригорке, которых нет больше нигде в мире. И в то же время Нетаньяху подсознательно преклонялся перед США, перед мощью американского государства и в его подсознании постоянно сидела мыслишка, что во что бы они не впутались, Америка придет и выручит. О том, что Америка может играть против Израиля и даже предать Израиль – он даже не задумывался, потому что это означало бы крушение всей системы его жизненных ценностей. Он просто не смог бы дальше осознанно жить с этим.

⁷ Ликуду удалось провести в парламент двадцать семь депутатов против двадцати восьми от Аводы. Однако, Аводе не удалось сформировать дееспособную коалицию с мелкими партиями и кабинет сформировала Ликуд в широкой коалиции.

⁸ Массачусетский технологический институт, один из лучших технических ВУЗов мира.

⁹ Институт по проблемам терроризма имени Йонатана Натаньяху.

Подготовку к нанесению удара по Ирану он начал сразу после того, как его партия победила на парламентских выборах. Про удар по Ирану говорили и до этого – но он был невозможен. Невозможен по многим причинам, но главной из них была – неготовность Израиля к его проведению. Соединенные штаты Америки вовсе не горели желанием ввязываться в еще одну войну на Ближнем Востоке, по признакам сулившую быть длительной, жестокой и кровопролитной. Уже в одиннадцатом, после того, как была допущена серьезная ошибка в Ливии – даже республиканцы выразили серьезные сомнения в необходимости вести еще хоть какие-то войны помимо тех, из которых надо как то выпутываться. А когда на Президента сильно давили с нескольких сторон, настаивая на вторжении в Сирию – влиятельная группа конгрессменов и сенаторов, причем среди которых были и республиканцы и демократы – пригрозили начать процедуру импичмента в случае, если начнется еще одна война с участием США.

В самом же Израиле – межпартийная широкая коалиция держалась на соплях, она могла удержаться в мирное и спокойное время, но война почти автоматически приводила к досрочным парламентским выборам с непредсказуемыми результатами. Именно поэтому – Израиль не решился предпринимать активные шаги против арабской весны – хотя в перспективе это угрожало самому существованию государства Израиль. Беньямин Нетаньяху чувствовал шаткость кресла под ним и делал все, чтобы не расшатать его еще больше. Ариэль Шарон наверное поступил бы по-другому, он прежде всего думал бы об Израиле и лишь потом – о выборах. Но Нетаньяху не был похож на Шарона...

Тогда же – Израиль создал временную коалицию со страной, с которой до этого никогда никаких коалиций не создавал – с Великобританией. Происходи дело сто лет – и участь Ирана была бы решена, но не сейчас. Ни у одной из стран не было собственных авианосцев, а значит – не было и флота. Поэтому – такой союз за глаза называли «брачным союзом импотентов».

В двенадцатые – тринадцатые – в США и в Израиле происходил выборный цикл, когда любые телодвижения чреватые. И там и там – бюджет был не сказать, что полон, народ не сказать, что доволен. В итоге – в США власть сменилась, в Израиле нет. В США к власти пришли крайне правые, они в принципе были за войну – но контактов с Израилем не имели. Так прошли два критически важных года, за которые Иран успел выработать достаточно обогащенного урана, чтобы начинить им десять ядерных боеголовок.

Наконец, в четырнадцатом году, под лозунгом «лучше поздно, чем никогда» – решили наступать. Воздушный удар Израиля, затем по необходимости – США и высадка. Цели высадки планировались крайне ограниченными – захват основных нефтегазоносных провинций Ирана (американцами, а не израильтянами, это их фунт мяса), нефтеперерабатывающей инфраструктуры и отгрузочных мощностей. Все было не только удобно расположено на берегу Персидского залива – но и отделялось от остальной территории Ирана длинным горным хребтом, представлявшим собой великолепную естественную линию обороны, не слишком высокую, но и не слишком низкую, в самый раз.

Готовясь к выступлению, Нетаньяху приказал разведывательным службам Израиля оценить боеготовность армий стран – соседей, в основном конечно исламистского Египта и сделать прогноз относительно того, насколько боеспособны эти армии. Как на них сказались чистки исламистов – сильно, слабо, никак не сказались. Что из себя представляет исламская милиция, чем она вооружена и насколько боеспособна. Смогут ли военные выполнить приказ о наступлении на Израиль, если таковой будет отдан. Нетаньяху хоть и не имел достаточного военного опыта и сам, добровольно привязал себя к американской политике – все же он еще не лишился ума, чтобы «насухую» принимать американские обещания. Готовя серьезную операцию против Ирана – он понимал: может случиться так, что ВВС Израиля понесут тяжелые потери, быстро восстановить их боеспособность не удастся. В этом случае вставал ключевой вопрос – смогут ли страны, окружающие Израиль поодиночке или вместе напасть на Израиль, пользуясь его слабостью и осуждением международного сообщества – и если да, то каковы их шансы на успех.

До сего дня – сообщения, какие премьер приказал доставлять ему ежедневно – приходили обнадеживающие. Государственные перевороты, последовавшие за этим междуусобицы и чистки – резко снизили военную опасность всех окружающих Израиль стран. Да, при этом резко выросла опасность террористическая – но это совсем не то. Обстрелы Кассами, взрывы на остановках – не сравнятся с обрушивающейся на страну танковой лавиной как в семьдесят втором. Кроме того – парадоксальным образом, приходящие к власти исламисты считали себя носителями самого чистого ислама и увлеченно грызлись с представителями других стран и других групп. Шансы, что они договорятся о совместных эффективных действиях против Израиля – стремились к нулю. А замена профессионального офицерского корпуса фанатиками, прекращение совместных тренировок с армиями развитых государств, прекращение поставок запчастей к технике, отсутствие нормального технического обслуживания сложной техники из-за резкого падения профессионального уровня военных – делало угрозу военного нападения и вовсе призрачной. Но та информация, какую подали ему на стол сегодня днем – перевернула все.

Он несколько часов не решался активно действовать. Единственно, что он сумел сделать – это позвонить министру внутренней безопасности Авиغدору Либерману и попросить его лично навестить находящегося в госпитале ВМФ вывезенного из Египта агента и лично выслушать его. Ему сказали, что агент рос в семье русских репатриантов – и значит, русский Либерман лучше поймет его. Он не знал – что Либерман после сегодняшнего совещания станет его политическим противником.

Поскольку времени было немного – он пригласил на совещание помимо всех членов Кабинета безопасности лишь директора МОССАД как непосредственного начальника агента. Не ожидалось на совещании министра юстиции – тот лежал в больнице.

Министры подъехали один за другим, молча расселись по своим местам за столом. Служащие канцелярии премьер-министра разошлись по домам, осталась только охрана – поэтому премьер сам сварил кофе и оставил его стыть в большом резервуаре. Каждый, кому было нужно – подходил и наливал – но никто не соблазнился остывшим кофе кроме директора МОССАДа. Тот – привык пить любой, лишь бы с кофеином.

– Итак, начнем... – сказал Нетаньяху – два дня назад посланный нами в Египет агент, длительное время работавший под прикрытием подал сигнал бедствия. В соответствии с установленным порядком – его решили спасти путем вывоза морским транспортом, для чего в район была направлена подводная лодка и группа Шаетет – 13 со специальными средствами передвижения. Прошлой ночью, эвакуационной группе удалось обнаружить агента на побережье и доставить его на базу ВМФ в Хайфу, где он был немедленно помещен в госпиталь. Придя в себя – он передал информацию стратегической важности – информацию о возможном государственном перевороте в Египте, и предложение о сотрудничестве и совместных действиях. По странному стечению обстоятельств – примерные даты всех этих событий совпадают с датами планируемой нами операции Гнев Господень. Не полностью, день в день – но совпадают. Посланный нами в Египет агент – ничего о подготовке операции Гнев Господень знать не мог. Ави доложит нам подробнее, он был сегодня в больницу и говорил с агентом.

Авигдор Либерман, глава влиятельной Наш Дом Израиль едва заметно поморщился. Развязные манеры премьера, усвоившего их в Штатах – его не радовали.

Из всех собравшихся в этом кабинете – политик и председатель партии выходцев из бывшего СССР «Наш дом Израиль» Авигдор Либерман был, наверное, лучше всего подготовлен к решению подобного вопроса – хотя он не был генералом израильской армии. Но он был, безусловно, умным человеком и способным политиком. Из ничего – он создал партию, которая за десяток лет стала одной из ключевых в Израиле – хотя про партию «Наш дом Россия», создававшуюся одновременно с НДИ помнили лишь старожилы российской политики. Он был крайне правым вообще русские эмигранты, приезжая куда то часто становятся крайне правыми

– но при этом он был хитрее коренных израильтян и чувствовал, где можно отступить, а где отступать ни за что нельзя, кто искренен, а кто лжет и выжидает удобного момента. На последних выборах – за партию проголосовали не только бывшие русские – но и коренные израильтяне и она чуть было не обошла Аводу. Имея негативный опыт работы избранного в девятом году кабинета, и опасаясь претензий Либермана на премьерство сейчас или в будущем – Нетаньяху демонстративно обделил НДИ портфелями и назначил самого Либермана министром внутренней безопасности. Это значило, что он не имел возможности контролировать серьезные спецслужбы, в частности ШАБАК – но в его ведомстве были полиция, тюрьмы и спасение людей в чрезвычайных ситуациях. Должность была подрасстрельная – в полиции вечно что-то происходит и можно замазаться так, что уже не сможешь ни на что рассчитывать в публичной политике. Либерман пока держался – но подставу Нетаньяху помнил и не собирался упускать случая поквитаться, если такой представится. Но пока такого не просматривалось – он добросовестно работал в команде и тянул свою лямку.

Не вставая, Либерман коротко доложил о том, что он услышал от агента, вернувшегося в Израиль после двадцати с лишним лет холода. За столом – повисло напряженное молчание.

– Сильно похоже на подставу – сказал министр обороны Моше Яалон, генерал и бывший командующий группой Цаханам.

– Но это так – ответил Либерман.

– Как мы можем быть уверены в его данных? – не отставал генерал Яалон.

– До сих пор у нас не было оснований сомневаться в данных, которые передавал нам этот человек – ответил генерал Таль Руссо, нынешний директор МОССАДа – агентов, которые успешно внедрились и столько лет проработали под прикрытием – я не припомню.

– Может быть, это потому что он работал на две стороны?

Премьер постучал по столу, требуя молчания.

– Как зовут этого человека? Я имею в виду его настоящее имя.

– Михаил. Его звали Михаил... когда-то очень давно.

– Он русский?

– Нет. Родился здесь. Родители – русские.

– Я его знаю лично – сказал генерал Руссо.

– Откуда?

– Он служил в бригаде Гивати¹⁰. Я его помню. Его объявили погибшим для того, чтобы забросить на ту сторону.

– Здорово...

– Мы уклоняемся от темы – сказал премьер – вопрос в том, можно ли ему верить. Ави?

– Да.

– Моше?

– Нет.

– Цви?

– Нет.

– Алек.

– Я не знаю – ответил министр финансов, и это было честно.

– Таль?

– Безусловно, да.

– Два на два. Просто здорово – подвел итог премьер.

– Биби, ситуация такова, что голосованием здесь ничего не решить – не упустил возможность поддеть политического противника Либерман. Ситуация слишком серьезна для этого.

¹⁰ На самом деле генерал Руссо служил в бригаде Гивати в более позднее время, в начале девяностых, до этого он служил в подразделении Шальдаг (зимородок) – спецназ ВВС. Вполне возможно, это подразделение отвечало за заброску агента.

– И что ты предлагаешь делать?

Либерман задумался. Потом сказал.

– Один из президентов Финляндии – я не помню, кто именно – сказал, что самое умное это дружить с ближними и враждовать с дальними. Мне кажется, это очень мудрые слова и мудрое решение.

– Разве мы не делаем то же самое? – спросил Нетаньяху.

– Нет, не то же самое. Мы дружим с Америкой, а враждовать собираемся с Египтом и с Ираном. Я не понимаю, почему именно мы – должны первыми нанести удар по Ирану – не имея авианосцев, не имея стратегических бомбардировщиков, имея ВВС в несколько раз меньше, чем ВВС США даже без учета их морской компоненты. Нам что – больше делать нечего, у нас нет других проблем? Да, Иран угрожает нам – но на данный конкретный момент, находящийся под боком Египет представляет собой несравненно большую угрозу. Так может быть – мы займемся теми проблемами, которые надо решить здесь и сейчас?

* * *

С заседания кабинета министров Либерман поехал не к себе домой. Он поехал в Институт – штаб-квартиру МОССАДа за машиной генерала Руссо. Надо было серьезно поговорить...

Их пропустили через усиленный блокпост на входе – после радикализации Египта и нападения на Кнессет безопасности не было нигде, даже в Тель-Авиве. Генерал Руссо – высокий, долговязый, с усталым лицом шел первым, Либерман, ниже его на голову и тяжелее как минимум на тридцать килограмм – едва поспевал за ним. В кабинете директора Службы – генерал Руссо включил свет, открыл сейф и бросил туда защищенную папку с документами...

– Черт бы все побрал.

Они были естественными союзниками – Либерман и Руссо. Первого – назначили на должность, где можно было только облажаться. Второго – сместили с Оперативного отдела Генерального штаба, потом с командующего Южным округом и дали МОССАД – тоже до первого провала. В судьбе и того и другого – особую роль сыграл Биби Нетаньяху, и тот и другой его недолюбливали. Наконец – и тот и другой на заседании Кабинета безопасности выступили единым фронтом, их предложение не прошло – но они чувствовали, что они правы. И это надо было обсудить...

– Как бы то ни было – сказал Либерман, начиная разговор – мы не можем просто так отмахнуться от поступившего сообщения, верно? Есть информация, мы должны ее отработать. Хотя бы для того, чтобы установить, расшифрована ли операция, грозит ли опасность нашим летчикам. Если нас ждут – шансов на успех нет совсем.

– Времени тоже нет совсем – ответил генерал Руссо – и ты это знаешь.

Как и было принято в Израиле – даже чиновники высшего ранга обращались друг к другу на «ты».

– Ты командовал Южным округом. И оперативным управлением Генерального штаба – сказал Либерман – какой план действий на случай наступления с юга?

– Теперь – не знаю, ответил генерал Руссо. Высокий, худой, бывший баскетболист – любитель он нервно ходил по кабинету. Было принято считать, что израильские генералы прикуривают одну от другой – но он не курил.

– Не время – сказал Либерман – кроме Биби есть еще и Израиль. Биби уйдет – а Израиль останется. Или – не останется. Все – зависит от нас.

– Ты чертовски прав... – генерал сел за стул – но мы мало что можем сделать. Только на проверку сообщения уйдет чертовски много времени. Я даже не могу просто послать в Египет человека, сейчас там черти – что творится. Сетей нет, каждый иностранец под подозрением. Раньше хоть туристов было полно – теперь каждый не местный как прыщ на заднице.

– Пошли бедуинов.

– Как вариант...

Либерман вздохнул.

– Я начинаю задумываться о том, а не поставить ли в Кнессете вопрос о доверии правительству нашего Биби. Числа этак... пятого.

– Нет – теперь уже не согласился Руссо – это уже будет подстава и подстава чертовски скверная. Мы ударим не по этому напыщенному придурку, а по нашим пилотам, отправляющимся на опасное задание. А я – привык заботиться о пилотах.

Генерал Таль Руссо был израильским аналогом генерала спецвойск Стенли МакКристалла, воюющего генерала. В отличие от Биби опыта у него было предостаточно. Будучи сержантом, заменил отстраненного офицера и командовал ротой, участвовал в боях в Ливане в восемьдесят втором, в штурме Бейрута, затем участвовал в спецоперациях в секторе Газа, в Ливане, командовал полком, дивизией, округом. Осуществлял оперативное управление войсками в ходе операции «Литой Свинец», командовал уничтожением сирийского ядерного реактора, операцией Небесный ветер (захват турецкой Флотилии Свободы). В ходе второй ливанской компании был помощником начальника Генерального штаба по спецоперациям, фактически дирижировал действиями всех спецподразделений во время этой войны. Из всех израильских генералов – он был, пожалуй, наиболее подготовленным к реалиям современной войны – и именно поэтому Биби его не терпел и постарался задвинуть сразу, как смог. Формально, с повышением, а на деле...

Одно время – генерал Руссо служил в подразделении Шальдаг – подразделении поиска и спасения израильских ВВС, в чью задачу входил поиск сбитых израильских пилотов и эвакуация их на свою территорию. Именно это и имел в виду генерал – когда говорил что привык заботиться о пилотах...

– Хорошо. Тогда что будем делать?

Генерал Руссо прикинул, что к чему.

– Связи у меня остались. Я постараюсь... поговорить с людьми, чтобы были наготове. На южном округе сейчас – люди, которые служили под моим началом, они не подведут если что. Но ВВС – у нас совсем не остается. И в спецподразделениях – многие заняты текучкой, а остатки – отвлекут на Гнев Господень. Нам бы только в седле удержаться – а мы еще и о наступлении думаем.

– Если бы мы все время думали только о том, как удержаться в седле – Израиля бы уже не было. Я подготовлю запасы. Мне так и так готовиться – в связи с возможной чрезвычайно ситуацией, но особое внимание – я уделю югу. Что-то вроде тыла.

– О, это – хорошо.

Либерман подмигнул.

– В полиции, в тюрьмах – служат бывшие военнослужащие, с хорошим опытом. Я приказал составить списки параллельно армейским – кто, где, с каким опытом, какой специальностью. Как думаешь – пригодится?

– Вероятно да – ответил генерал Руссо – я думаю вот о чем. Проблема Сектора Газа – не будет давать нам покоя до тех пор, пока мы ее не решим. Вне зависимости от того, истину нам принес этот агент или дезинформацию – решить проблему Газы можно будет как раз восьмого – девятого. Лучше времени – не найти. А потом – в зависимости от ситуации... посмотрим, что будет делаться в Египте.

Либерман вдруг понял, что он совершенно одинок. Что во всей пирамиде власти Израиля – не осталось ни одного человека, который мог бы мыслить стратегически, с размахом, на десятилетия вперед. Каждый – смотрит тупо перед собой и решает свою маленькую проблемку, которая ему кажется важнее любых других проблем. Биби – решает, как еще эффективнее ему прогнаться перед США. Таль – как решить проблему Газы, которая ему всю плешь проела. Но

ни один – не способен подумать, что если они рискнут и сделают неожиданный и сильный ход в Египте – последствия могут быть такими... какие никому и не снились. Египет ослаб... как насчет контроля над Синаем или даже создания Великого Израиля. Как насчет блокирования Сектора Газа со всех сторон – ведь если взять Синай или хотя бы выговорить у нового египетского правительства какой-то особый статус Синая, Сектор Газа не будет иметь сухопутных границ с кем-либо кроме Израиля и не помогут никакие тоннели, ничего – рано или поздно он будет вынужден либо принять продиктованные Израилем условия мира и размежевания, либо будет вынужден напасть первым, подтверждая свою враждебную сущность в глазах всего мира и давая Израилю полное право оккупировать его. А как насчет того, что новая военная диктатура в Египте привлечет внимание мусульман всего мира и соответственно – отвлечет внимание от Израиля. А как насчет того, что новое египетское правительство будет просто вынуждено в крайне короткий срок реформировать и перевооружить армию и силы безопасности и ему некуда будет обращаться, кроме как к Израилю. А как насчет того, что у Египта территориальный спор с Суданом и как назло – насчет земли с нефтяными скважинами? А как насчет того, что Египет может стать локомотивом деисламизации Сирии, Судана, Алжира, новых военных переворотов сил антиисламского толка. Если была Арабская весна – почему бы не быть арабской осени?

Но, увы. Все предпочитают играть по правилам. Все предпочитают решать свои мелкие проблемы. Все боятся поднять глаза и увидеть в небе журавля – хотя синица в руке давно уже сдохла и смердит.

И еще Либерман понял, что Израиль обречен и будущего – у него нет. Так можно жить на Западе – но не на Востоке.

Исламская республика Египет. Каир, исламский университет Аль-Азхар. Утро 06 августа 2014 года. Шурук эш-шамс (восход солнца)

Время намаза Фаджр (утреннего) символизирует рождение человека. Ведь недаром рекомендуется читать дуа после пробуждения. Фаджр также является своего рода символом детства и ранней юности.

В ночь перед государственным переворотом и началом гражданской войны в Египте – шейх Аль-Хувейи, один из наиболее радикальных имамов Востока – заночевал в университете Аль-Азхар, куда он мечтал поступить в молодости, но на это у него не было денег.

Для шейха и его людей освободили несколько комнат на верхнем этаже одного из зданий, они были удобны тем, что к ним вел единственный коридор, который могли оборонять два... даже один моджахед.

Перед тем, как совершить пятый намаз – аль-иша и лечь спать – шейх собрал наиболее деятельных и преданных студентов университета с последнего курса. Все они – приехали из разных стран, все они учились Шариату и стали свидетелями того, как целая страна сбросила иго ненавистного тагута и погрузилась в исламскую революцию. Многие из этих студентов не остались глухи к страданиям египетского народа, за это время они обогатились и теорией и практикой исламской борьбы и теперь готовы были нести ее в свои страны, как больной чумой – заразившись, несет дальше свою заразу...

Шейх не пожалел времени для этих ребят, ибо в них он видел сам себя три десятилетия назад. Он приехал в этот город и делал грязную работу, он получал за нее так мало, что у него не хватало денег на то, чтобы выпить самые нужные правоверному религиозные книги. И в то же время он видел, как хозяин лавки, где он работал – лицемерно встает на намаз, а по вечерам втихую пьет харам и пресмыкается перед иностранцами, которые иногда захаживали в лавку, перед менеджером отеля, который тут закупался. Именно тогда – шейх (который тогда не был шейхом и даже не был примерным мусульманином), решил, что в этой жизни много что неправильно и надо исправлять это...

Шейх рассказал этим молодым ребятам, у которых горели глаза – что в этом мире очень много несправедного и злого. Что крестоносцы – объявили новый поход против ислама, что они не просто хотят победить правоверных – они хотят уничтожить сами народы, разрушить их среду обитания, привычный образ жизни. Они хотят соблазнить детей запретной пищей и развлечениями, чтобы они становились слугами крестоносцев, а не воинами – джихадистами. Они хотят, чтобы женщины сбросили чадру и стали доступны их мужчинам – сначала взглядами, а потом... Именно поэтому – так важно вести джихад: каждый мусульманин должен вести джихад.

Шейх рассказал этим ребятами, что нельзя останавливаться до тех пор, пока на земле есть хоть один неверный. Шейх рассказал им, как важно вести посильный джихад, вовлекая в него тех, кто по каким-то причинам не может вести джихад оружием. Не можешь воевать – не беда, ты можешь помогать воинам деньгами, предоставление укрытия, ты можешь покупать оружие и боеприпасы для воинов, если тебе это по силам. Ты можешь вести агитационные страницы в Интернете, ты можешь говорить о несправедливости властей и привлекать как можно больше молодых людей к джихаду, ты можешь предлагать им дават – то есть принять ислам. Надо делать так, чтобы как можно больше распространять ислам на земле самих неверных. Нужно говорить про ислам и требовать соблюдения своих прав – неверные слабы и это действует на них. Нужно покупать землю – на ней можно сделать укрытия и лагеря. Нужно покупать

оружие – настанет час, когда волей Аллаха его можно будет пусть в ход. Можно делать списки учреждений, чиновников, членов разных тербанд¹¹, где они живут, кто их жены, где учатся их дети – все это может пригодиться. Можно узнавать слабости членов этих тербанд – у кого они берут взятки, где пьют харам и предаются разврату с доступными женщинами – все это тоже пригодится. Наконец, можно самому стать членом тербанды – это не грех, если ты делаешь такое с намерением помогать братьям.

Студенты слушали. Задавали вопросы. Шейх обстоятельно отвечал – он видел перед собой будущее ислама. Детей, которые пойдут и понесут ислам туда, где его до этого никогда не было. Например, в Русню.

Затем, совершив намаз – шейх лег спать на расстеленном на полу тюфяке. Ничего другого – ему было не нужно.

* * *

Утром – шейх встал раньше всех, как и положено предводителю уммы. Совершил абдест¹², после чего громким голосом прочитал азан – призыв к совершению первого намаза. После чего – вместе со своими людьми встал на намаз фаджр, который положено совершать еще до восхода солнца...

Дурные вести – принес один из студентов, как раз, когда они совершили Салават и перешли к дуа. Шейх заметил, как обеспокоился один из братьев, прервал намаз и подвинулся к брату Салему, который воевал в Палестине против банд яхудов. Прерывать намаз – было делом порицаемым, но шейх ничего не сказал. Но и не прервал намаз – его могли даже убить, но ведь Аллах оставался жив, верно? Скоро – ему придется предстать перед ним, стоит ли отягощать душу еще одним грехом...

... Аллагъумма салли г'ала сайидина Мух'аммадин г'абдика ва расулика набийина умийи ва г'ала али сайидина Мух'аммадин ва зуррийятигъи. Кама салайта г'ала сайидина Ибрагъима ва г'ала али сайидина Ибрагъима. Ва барик г'ала сайидина Мух'аммадин набийиль умийи ва г'ала али сайидина Мух'аммадин азважигъи ва зуррийятигъи кама баракта г'ала сайидина Ибрагъима ва г'ала али сайидина Ибрагъима филь г'аламина иннак-аль-х'амид-ум-мажиду...

...Аллагъумма гъфир ли ма къаддаму ва ма аххарту ва ма асрарту ва ма аг'ланту ма асрафту ва ма анта аг'ламу бигъи минни анталь мукъаддиму ва анталь муаххиру ла иллагъа илла анта...

*...Аллагъумма инни заламту нафси зульман касиран ва ла ягъфиру ззунуба илла анта фагъфир ли магъфиратан мин г'индика варх'амни иннака анталь гъафуру ррах'им...*¹³

Завершив намаз, шейх сказал необязательное «Во имя Аллаха», встал на ноги. К нему немедленно подошел Салем.

– Шейх, происходит что-то плохое. Надо уходить отсюда...

– Приведи вестника ко мне.

К шейху подвели одного из студентов, который и принес вести.

– Говори, да помни, Аллах тяжело карает за ложь... – проговорил шейх.

– Да будет Аллах свидетелем моим словам! Банды яхудов напали сегодня на земли ислама! А вместе с ними были и харбии, да унизит и сокрушит их Аллах!

– О каких землях ислама ты говоришь?

– О Персии, эфенди!

¹¹ Одно из выражений правоверных, обозначающих правоохранительные органы. Тербанда «ФСБ», тербанда «прокуратура»...

¹² Малое омовение, оно же – Вуду.

¹³ Салават и дуа, завершение намаза. Переводить тут не буду...

Шейх задумался, прокручивая в уме варианты. Персия – это не совсем земли ислама. Там шииты – а шииты злейшие враги правоверных, убийцы и заговорщики, ослабляющие единство уммы. Нападение на Иран – не так уж неожиданно, его ждали уже несколько лет – решились. значит... Но с другой стороны – там все же ислам. И значит – есть законное оправдание тому, что исламские воины пойдут войной на земли самих яхудов, ведь они атаковали исламские земли первыми!

Надо все хорошо обдумать. Надо все очень хорошо обдумать...

– Откуда ты узнал о нападении?

Молодой человек потупил взор.

– Из Интернета? – строго спросил шейх.

Молчание было красноречивее любых слов.

– Поскольку тем самым, ты принес пользу умме, это не считается грехом – вынес заключение шейх – прочитай на ночь десять раз фатиху и держи пост два дня. Тем самым очистишься и примиришься с Аллахом...

– Да благословить вас Аллах, шейх...

Через несколько часов – вышла фетва о том, что банды яхудов атаковали исламское государство, нарушив тем самым соглашение о перемирии между мусульманами и неверными. И потому – всем правоверным предписывалось атаковать земли яхудов со всей яростью, какая только возможно, разрешение убивать всех яхудов вне зависимости от пола, возраста и причастности к боевым действиям. Фактически – шейх Хувейи приказал совершить повторный холокост.

За последующие несколько часов – день, вечер и ночь следующего дня – на Израиль обрушилось несколько тысяч ракетных снарядов, в том числе двадцать – долетели до Тель-Авива. Собравшиеся в секторе Газа исламские экстремисты перешли к боевым действиям.

Ночью, как только стало понятно, что первый удар Израиля по иранским ядерным объектам достиг цели, а США перехватили инициативу в войне и начали наносить удары по другим военным и гражданским объектам Ирана – заседавший уже сорок один час военный кабинет министров Израиля отдал приказ «Стальная гроза» – приказ мотопехотным и бронетанковым частям АОИ начать операцию по захвату и ликвидации Сектора Газа...

Сектор Газа, пограничный переход Бейт-Ханун. 20 июля 2014 года. 188 танковая бригада АОИ, 71-ый танковый батальон. Операция «Стальная гроза».

В танке было душно, кондиционер не работал. Проклятая коробка сломалась после того, как они сошли с танкового транспортера и изготовились к атаке. Это – было уже не смешно, предстоял жаркий денек и подыхать от обезвоживания – им совсем не улыбалось.

– Гиди, хорош курить – раздраженно бросил лейтенант Шарец, командир танка – и так дышать нечем...

Гиди, самый старший из всех – жадно затянулся напоследок, погасил сигарету...

– Не на пол, не на пол... Тебе что здесь, помойка? Сунь в карман, потом выкинешь...

Начиналась война, и всех потряхивало. Все уже тогда понимали – хорошим не кончится. Патриотический запал, конечно же, был – отлично выполнили операцию по ликвидации ядерного потенциала Ирана, потеряли всего лишь каждый девятый самолет ударной группы – и это в условиях, когда им противостояли довольно современные системы ПВО, а пилоты израильских ударных самолетов не могли взять почти ничего для самозащиты. Но теперь, когда впереди сектор Газа, с которым война идет уже семьдесят лет, а под боком Египет, который буквально кишит фанатиками всех мастей...

Их подняли вечером, никто ничего толком не знал и не объявлял. В одиннадцать часов вечера пришли транспортеры, и они грузили танки, а потом везли их по забитой машинами дороге – в одном месте гражданские машины пришлось сталкивать на обочину. Сейчас же – они сидели в танке и ждали, пока придет команда «вперед!».

Командир танка – от нечего делать начал осматриваться в прицел. Термооптику он не включал, видно было плохо. За спиной – назревал новый день, но впереди еще царствовала ночь. В прицеле – были видны всполохи огня – израильская артиллерия и авиация наносила удары по позициям боевиков, разведанных спецназом.

Никто не знал, с чем точно им придется столкнуться. Газа образца две тысячи четырнадцатого года – это тебе не Газа две тысячи десятого. Когда в Египте сменилась власть и открылись границы – в страну хлынуло потоком оружие, в том числе противотанковые ракетные комплексы. Они и до этого были – самодельные, из обрезков труб – но это были настоящие. Говорили, что из Сирии сюда попали Корнеты и боевики только и ждут, чтобы пустить их в деле.

– Что там? – спросил механик-водитель по фамилии Аронсон. Все звали его Ари или даже Аря.

– Фейерверк. Сидим тихо...

Столбы разрывов – встали слева от изготовившейся к атаке израильской бронетанковой колонны – и в этот же момент заработала рация.

– Гур¹⁴ один – один, всем позывным Гур – начинаем, повторяю – начинаем. Полный вперед!

Очередная мина – ударила совсем рядом, танк осыпало землей.

– Гур один – один, мы под минометным обстрелом!

– Тогда шевелитесь, сукины дети!

Когда настала пора – тронулся и их танк с позывным Гур два – один.

– Командир? – вопросительно сказал Лев, заряжающий.

– Давай осколочный. Башню вправо и смотри по сторонам. Я наверх...

¹⁴ Детеныш (*иерит*).

Танк качнуло – они сошли с проезжей дороги.

* * *

Направления выдвижения бронетанковых колонн они хорошо знали – не раз входили по этим направлениям, последний раз – в две тысячи двенадцатом году, во время первого обострения, тогда исламисты в Египте только что пришли к власти и решили сразу, не откладывая разобраться со своими врагами. Террористы даже не пытались остановить танковые батальоны ЦАХАЛ в чистом поле, вместо этого они использовали фугасы и маневрирующие, танкоопасные огневые точки, используя оросительные системы для быстрого и скрытного перемещения. Свои транспортные средства они маскировали, в том числе и под машины скорой помощи или просто под машины гражданских, укрепленные командные центры создавали в больницах, школах, детских садах. Это нельзя было считать каким-то зверством по отношению к палестинскому народу – даже дети вполне осознавали тот факт, что ими пользуются как живым щитом и были горды тем, что и они – косвенно участвуют в войне. К семьдесят четвертому году противостояния – палестинский народ представлял собой нечто целое, народ-зверь, имеющий только одну цель, только одного врага – и желающий только одной победы, полной и окончательной. Любые перемирия – они воспринимали как тактическое отступление.

Естественно – все дороги, по которым израильтяне выдвигались раньше – были заминированы. Взрывчатки теперь было достаточно и фугасы – попадались такие, что могли перевернуть семидесятитонный (с дополнительной защитой) танк. Впереди шел боевой саперный робот. За ним – танк с дополнительными броневыми щитами, системой активной защиты и катковым тралом, который должен был уберечь от стандартных противотанковых мин, но не мог ничего сделать с противотанковым фугасом, управляемым по проводам (радиопередачи глушились, так что радиоподрыва быть не могло). Третьим шел гусеничный БМП Намер с высокой крышей и антеннами – на нем ехали саперы, а антенны – это чтобы отслеживать и глушить радиосигналы на подрыв. Их предупредили, что впереди будут работать разведгруппы, которые теперь шли не за танками – а перед ними. Следовало быть осторожнее.

Так, черепашим шагом, они прошли около тридцати минут, за это время – подорвалось два фугаса и около двух десятков противотанковых мин. Несколько раз их обстреливали из РПГ-7 и самодельных ракетных установок Аль-Батар – но это оружие никак не могло повредить их Меркавам с навесным дополнительным бронированием. Каждый раз – на огонь они отвечали огнем.

Лейтенант прикинул – все шло так же, как и обычно. Они пройдут сельской местностью, окружат города – и вот тут то и начнется настоящая работа. Трудная, грязная и кровавая. Но все – началось намного раньше, чем он предполагал.

Ему повезло – он только спустился в танк, закрыл за собой люк – как гроыхнуло. В танке – почти не слышишь подрыва, если конечно подорвался не ты сам – но этот взрыв они слышали. Звонкий, мощный, хлесткий грохот, их танк качнуло, осыпало землей и какой-то дрянью.

– Цели справа!

Заряжающий – без команды открыл огонь из спаренного с пушкой ротного пулемета, прикрывая свой танк и колонну в целом от гранатометчиков.

– Целей нет! Целей нет!

– Наши подбиты! Танк!

– Доложить повреждения, доложить повреждения!

– Два – три подбит! Два-три выведен из строя!

– Робот уничтожен! Саперный танк выведен из строя, выведен из строя!

Лейтенант – открыл люк, высунулся наружу, рискуя подставиться...

Танк Гур два – три – шел следом за ними с интервалом в один танк и одну тяжелую бронемашину. Там был не подрыв – он бы увидел подрыв, но танк был подбит. Люки сверху открыты, на башне кто-то суется, вытаскивал танкистов.

– Гур два один на связи, всем позывным – что происходит, доложите по повреждениям танка два – три.

– Экипаж пострадал, танк выведен из строя! Танк не боеспособен.

– Что...

Где-то там, впереди, там, где зарождающийся день еще не прогнал ночной сумрак – зародился комочек огня и этот комочек – с поразительной скоростью начал приближаться

Сектор Газа, где-то в окрестностях Газы. 20 июля 2014 года

В ожидании сигнала – отряд спрятался в развалинах какого-то здания, которое когда-то было двухэтажным, а теперь – не насчитывало и одного этажа. Саперными лопатками и короткими ломиками – они быстро устроили себе укрытие, в котором можно было укрываться лежа всей их небольшой группе. Накрывшись маскировочными накидками и наблюдая за находящимися всего в нескольких десятках метров от них боевиками ХАМАС – они ждали сигнала.

С Востока – неумолимо наступал рассвет. С Востока же – летели самолеты, сбрасывая тепловые ловушки, с грохотом разворачивались над морем. Отсюда – были видны тонкие стрелы ракетных пусков: огромное количество оружия, в том числе ПЗРК – попало в руки фанатиков после разгрома Ливии и падения Египта. Сейчас – им обстреливали израильских летчиков...

– Скверное место... – приглушенно сказал один из бойцов. – Не хватало еще здесь подохнуть...

Место и в самом деле было скверным. Когда-то – здесь выращивали оливы, занимались сельским хозяйством, выращивали совершенно чудесный, очень сухой виноград на вино, вино из него получалось терпким, плотным почти как кисель, не водянистым. Выращивали пшеницу, овощи. Сейчас здесь не росло ничего. Бывшие военные укрепления, следы от гусениц, разрушенные дома в результате авиационных и артиллерийских ударов. Эти земли – вот уже семьдесят с лишним лет не знали ничего, кроме ударов и ответных ударов, впитавшихся в кровь и плоть ненависти. И не было этому – ни конца, ни края...

– Судьба никогда не спешит, друг мой... – сказал молодой парень, который шел на задание с группой израильского спецназа Саарет Маткаль в первый раз, как проводник – судьба никогда не спешит...

Ему никто ничего не ответил.

* * *

Спецназ подняли первым – в Израиле было много специальных подразделений, по их соотношению к общей численности армии Израиль занимал первое место в мире. Какие-то подразделения были расформированы, какие-то создавались вновь. В связи с некоторыми событиями – сейчас в немилости были Шатет-13 и, до атаки на Иран – Саарет Маткаль, в фаворе – Дувдеван и Шальдаг. Но когда речь пошла о большой, настоящей операции, возможно войне с Египтом или даже еще с кем-то – в бой поднимали всех, кого только можно. Все понимали – прогулка по сектору Газа будет оплачен большой кровью.

Командир Саарет Маткаль, подполковник Г. – его имя было засекречено, потому что исламисты сразу приговорили бы его к смерти, случись им узнать его имя – вышел из небольшого здания на одной из баз ВВС Израиля, где им ставили боевую задачу. Здесь находились их летно-подъемные средства – небольшие малогабаритные дельтапланы, которые должны были доставить часть его отряда к точкам высадки. Вертолеты – использовать на начальной стадии операции было невозможно из-за чрезвычайно высокого риска поражения ракетами.

Подполковник Г. поморщился, разогнал рукой сигаретный дым. В его подразделении ни о каком курении не могло быть и речи – противник увидит тлеющий огонек сигареты с полутора километров, учует запах дыма даже через пару часов после того, как тут курили. Но летчики, которые с горьким смехом называли свои летательные аппараты «шарманками» – смолили всю, ожидая очередной, чрезвычайно опасный полет через линию фронта.

– Дани...

Подполковник увидел одного из своих офицеров, командира группы.

– Все нормально?

– Не совсем. Помнишь того парня из группы обеспечения, который полетел с нами. Ну, я рассказывал о нем.

– Помню.

– Он здесь, на базе.

– Вот как?!

– Его только что привезли из Курдистана сюда. Вместе со сбитым летчиком. Подобрал спасательный вертолет Шальдага.

– Да... я слышал.

Группу Шальдаг – ориентировали на поиск сбитого летчика. Только дела Рона Арада – сейчас и не хватало¹⁵. Спецгруппа в составе восьми человек высадилась в опасной зоне. Потом – им пришлось сматывать удочки, и они едва успели это сделать, выскочив из-под самого носа наступающих турков. А теперь оказалось – что летчик жив и каким-то образом спасен.

– Он нашел каким-то образом наших парней... верней, это мои парни нашли его, он тут что-то вроде медицинского освидетельствования проходил. Теперь ему разболтали, куда мы идем, и он хочет идти с нами.

Подполковник Г. присвистнул от изумления.

– Здорово. А сам – что думаешь?

– Дани, я опасюсь его. Он же отморозок конченный. Делает то, что ему въедет в голову в этот момент. Сигануть с летящего вертолета...

Командир группы посмотрел на своего подчиненного.

– Такие же отморозки и мы с тобой.

– Да, но мы то с тобой специально подготовлены.

– Он спас летчика. Получается, что он вместе прошел с ним двадцать километров по враждебной территории, уклоняясь от вражеских патрулей и поисковых вертолетов. Не попал под американские бомбы. Ты уверен, что смог бы так же?

Офицер пожал плечами. Ответил честно.

– Нет. Нужно везение.

– И я – нет. И не забывай – если бы он не сиганул с вертолета, ты бы остался там, в Иране. Сгорел бы в сбитом вертолете. Приведи его сюда, я поговорю с ним.

Офицер отправился в сторону ангаров...

* * *

Русский оказался примерно таким, каким подполковник Г. его и представлял. Среднего роста, ничем не приметный, явно недоедавший в последнее время – но что-то в нем было. После большой алии начала девяностых – подполковнику Г. приходилось иметь дело с русскими, в том числе и теми, которые прошли Афганистан. Они отличались от многих... в них была какая-то суровость, это были евреи – и в то же время не евреи. Многие из них не уважали ни закон, ни устав, действовали, как им вздумается – но в то же время невозможно было представить их дрогнувшими и побежавшими, они предпочитали скорее умереть. В Армии обороны Израиля – главной ценностью считается солдат, он может выдать военную тайну, попав в плен, он знает, что его обменяют на десять, на сто, на тысячу человек – но вытащат и спасут. А вот русские.. по ним можно было бить, и они держали удары до тех пор, пока от них

¹⁵ Рон Арад, штурман израильских ВВС, самолет упал 16 октября 1986 года в районе Сидона, захвачен в плен движением Амаль, предположительно передан в Иран. О его судьбе ничего не известно до сих пор, считается пропавшим без вести.

ничего не оставалось. Иногда – подполковник находил в них пугающее сходство с исламскими фанатиками, с которыми они дрались – прежде всего, своей непреклонностью и готовностью на любые жертвы за то, во что они верили. Вот и этот – такой же...

– Как тебя звать? – спросил подполковник. Он и не подумал требовать от солдата много младше его по званию отдать ему честь, в Армии обороны Израиля до этого никому не было дела.

– Михаил. Миша.

– Ты ранен?

– Нет. Просто немного устал.

– Ты должен отправляться в госпиталь. Это нужно.

– Я не хочу в госпиталь. Я хочу освободить мою землю.

– Откуда ты знаешь?

Миша не ответил. Понятно, успели разболтать. Командир специального отряда прикинул, что к чему.

– Ты, значит, с Сектора Газа?

– Да. Я вырос там.

– Где конкретно?

– Укрепленная деревня Незарим.

Неплохо. Заманчиво близко.

– Ты помнишь местность?

– Да. Мы патрулировали тот сектор тоже. Искали ракетчиков и изображали из себя мишени.

– Говоришь по-арабски?

– Я знаю арабский с детства.

– Ты пехотинец?

– Уже нет. Прошел курс специальной подготовки. Я не знаю, как называется это подразделение, оно состоит только из русских.

Подполковник это подразделение знал.

– Почему ты не хочешь присоединиться к своим?

– Я не знаю, где они. Не знаю, какое у них задание. Но я знаю, куда идете вы.

Языки бы оторвать... Но с другой стороны – Йонатан Нетаньяху такому солдату был бы рад до соплей. У него только такие отморозки и служили, вот почему они тогда что хотели то и делали. Почему он – должен послать его подальше?

– Последний вопрос. Тебе кто-нибудь говорил, что ты псих?

Русский не улыбнулся. Как потом понял подполковник – серьезный сукин сын, истинный правовеерный.

– Никак нет...

* * *

После того, как русский ушел к ангарам – к подполковнику Г. снова подошел тот самый офицер.

– Я решил его взять – коротко сказал подполковник Г. – в качестве проводника. Вторая группа переходит границу южнее Карни, пусть присоединяется к этой группе. Он жил в Незариме, знает арабский и местность. Может пригодиться. Подберите ему снаряжение, лишний комплект, думаю, найдется.

– Он тощий как смерть, вымотанный – привел последний аргумент офицер – отказался от госпитализации. Может не выдержать.

– Ничего. Поест по дороге. У нас есть колбаса?

- Есть. Не кошерная только.
- Русским на это плевать...

* * *

- Что там?

Их снайпер, вооруженный винтовкой Matrix: Галиль 308 переделанный специалистами Gilboa Arms¹⁶ и превращенный в бесшумную снайперскую винтовку с интегрированным глушителем – передал винтовку лежащему рядом командиру.

- Двести. Чуть вправо от машины. На крыше.

Термооптический прицел предательски высветил прикрытый маскировочной сетью пост на крыше. По данным израильской секретной карты – здесь был детский садик.

Три человека. У двоих – за спиной нечто похожее на ПЗРК советского производства, возможно старые, у которых уже головки самонаведения на последнем издыхании – а возможно и новые, советские, китайские или северокорейские. У третьего – странного вида винтовка, явно крупнокалиберная. Самое то – чтобы врезать по зависшему для высадки десанта вертолету.

Сукины дети... Эти-то откуда...

Самое страшное – что тут были дети. Они видели детей среди боевиков. Мальчишки, одному на вид и семи лет нет – но на поясе подвешена граната. И ведь подорвет, на самом деле подорвет. Сам погибнет – но ему на это плевать...

- Сеанс...

Командир разведывательной группы – в нее входили двенадцать человек, четыре тройки и проводник, того тринадцать – принял гарнитуру рации.

- Давид три на приеме.

- Давид три, это Голиаф. Двадцать минут, повторяю – двадцать минут.

– Вас понял. Нахожусь на позиции, веду наблюдение. Район укреплен подручными средствами, отсюда могу видеть, что улицы перекрыты заграждениями из колючей проволоки и баррикадами. В моем секторе – на крышах ракетчики с ракетными установками, снайперы, один пулеметный расчет. Цели подсветим лазерами. Будьте предельно осторожны, район опасен для авиации, повторяю – будьте предельно осторожны.

- Давид три, тебя понял. Вопрос – посадочная площадка обозначена?

– Голиаф, положительно, посадочная площадка обозначена. Смотрите, не ударьте по нам, как поняли?

– Давид три, вас понял, десантники знают о вашем присутствии. Ждите сигнала «общий», отбой.

- Голиаф, отбой. Так, разбираем цели. Огонь по команде. Цви, лазер за тобой.

- Так точно...

* * *

Считалось, что Израиль не имел вооруженных беспилотников вообще, в отличие от американцев. На самом деле такие беспилотники были, просто информация о них скрывалась.

Ударный израильский беспилотник назывался "Гарпия" и относился по размерам к классу средних беспилотников. В отличие от американцев, израильтяне не поставили на него уже разработанное оружие, а начали разрабатывать его с нуля. Если для американцев целями

¹⁶ Малоизвестная, но чрезвычайно интересная израильская компания по кастомизации огнестрельного оружия. Среди последних новинок – CornerShot с боевой частью русского ГП-25, бесшумная снайперская винтовка на базе Сайги-308, винтовки Ag-15 под магазин АКМ.

в основном были автомобили и здания, требующие мощного оружия типа Tow – то у израильтян целью чаще всего был одиночный автоматчик. И Израиль был не так богат, чтобы тратить на его уничтожение целую противотанковую ракету. Поэтому – израильский беспилотник был вооружен множеством маленьких, свободно падающих боеприпасов, в транспортном положении находящихся в кассете, которая крепилась на беспилотник. Эти боеприпасы не имели двигателя и имели простейшую систему коррекции курса. Их боеголовка – по мощности поражения была равна пехотной гранате, но давала, помимо обычных, очень мелкие, острые как бритва, короткие иглы из специального пластика. Человек или люди, около которых взрывался такой боеприпас – умирали чаще всего не от ранений, не от болевого шока – а от заражения крови и послеоперационных осложнений: Если обычные стальные осколки можно было обнаружить на рентгене – то эти рентген не обнаруживал и человек умирал мучительной смертью, перед этим палестинцы тратили время на то, чтобы вынести его с поля боя, определить в больницу, хирурги тоже тратили на него время, разыскивая по всему телу осколки – иногда просто резали наугад. Применение такого оружия было запрещено – поэтому, Израиль держал такое оружие в секрете и применял лишь в единичных случаях. Но сейчас мнение международной общественности было уже без разницы.

Несколько десятков "Гарпий" – все что были – поднялись с аэродромов Израиля, чтобы атаковать цели и ослабить оборону боевиков. Все эти небольшие беспилотные самолеты до сигнала скрывались в ангарах, Израиль давал заведомо ложные данные о количестве беспилотников и никто не знал, сколько их у него есть...

Объединившись в одну стаю, обмениваясь данными и распределив между собой цели, "Гарпии" пошли на запад, чтобы по сигналу атаковать цели...

* * *

Атака была внезапной, бесшумной, совершенно ни на что не похожей. Цви включил лазер и держал его, ожидая нарастающего воя самолетных двигателей и тоненького свиста стремительно приближающейся к земле бомбы. Но вместо этого – позиции боевиков вдруг покрылись ковром маленьких, блеклых вспышек, примерно таких, какие дает граната подствольного гранатомета. Но этих вспышек было много – они были в самых неожиданных местах, и не попасть под них было невозможно...

– Снайперам, огонь. Голиаф, это Давид три, Давид три.

– Давид три, на связи Голиаф – раздалось через пару минут, эфир был переполнен, несколько штабных операторов, работающих под общим позывным Голиаф, не справлялись с потоком информации.

– Голиаф, это Давид три, подтверждаю воздушный удар, удар с воздуха прошел...

– Давид три, прошу оценку эффективности.

– Голиаф, легко отлично, повторяю – отлично. Снайперы проведут вторичную зачистку, но нужно высадить десант в течение максимум двадцати минут, двадцать – майк, как понял. Сейчас – ублюдки начнут выходить из домов и тут черт знает, что будет твориться.

– Давид три, вас понял. Десант будет в течение десять – майк, десять – майк. Позывной Король, как поняли...

– Голиаф, понял, Король – подтверждаю, отбой.

Интересные дела, это где такие позывные раздают. Аж Король...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.